

След на весеннем снегу

Автор:

[Людмила Мартова](#)

След на весеннем снегу

Людмила Мартова

Желание женщины

В одно утро размеренная жизнь тихого городка переворачивается с ног на голову. Учительница английского языка Мила на прогулке с собакой находит клад старинных монет. Перед этим ее чуть не сбил известный архитектор – оказывается, совсем рядом он строит необычный дом для одного из отцов города. И вскоре там же, в Кузнецкой слободе, находят тело местного предпринимателя. В убийстве подозревают его жену. Она с детства дружит с бывшим хозяином участка, где был спрятан клад...

Это случайность или звенья одной цепи? Почему в дом к Миле влезают злоумышленники, ведь все знают – клад забрали в полицию? Ей придется разобраться во всем самой...

Людмила Мартова

След на весеннем снегу

© Мартова Л., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Все события вымышлены.

Любые совпадения случайны

Снег сходил тяжело, муторно, обнажая серое изъеденное нутро, словно выворачивая наизнанку душу, в которой тоже было серо и муторно. Это время года – границу между зимой и весной, приходящуюся на конец февраля – начало марта, Мила особенно не любила.

И если в областном центре это был краткосрочный период черных от накопившейся за зиму пыли и автомобильных выхлопов сугробов, которые сдавались под натиском перемежающейся дневной оттепели и ночных заморозков, а потом и вовсе вывозились с улиц бдительными коммунальными службами, в последние годы работавшими неожиданно слаженно и быстро, то здесь, в Малодвинске, захолустном городишке, в котором она, по велению судьбы, оказалась полгода назад, избавлением от снега никто и не думал заниматься, отдавая этот процесс на откуп природе.

Машин здесь было меньше, а снега, наоборот, очень много, и его съезжившаяся серость не радовала глаз, а совсем наоборот, угнетала еще больше, потому что казалась воплощением той неожиданной безысходности, которая поселилась внутри и не отпускала, как ее не прогоняй. Казалось, что жизнь кончилась, а уж смысл ее потерялся точно, потому что на фоне поступающих новостей и связанных с ними реалий не радовало вообще ничего. День прошел, и ладно.

Мила, как могла, скрывала свое состояние от мамы, благо, на разделяющем их расстоянии сделать это было просто, но ее мамочка тем и отличалась от других людей, что чувствовала Милу всегда, словно камертоном определяя дочкины мысли, страхи и переживания.

– Времена не выбирают, – ласково, но твердо повторяла она в ежедневных телефонных разговорах. – Милка, ты же всегда любила это стихотворение. И еще твой тоже любимый Толкин устами Гэндальфа сказал: «Мы не выбираем времена. Мы можем только решать, как жить в те времена, которые выбрали нас». Но ключевое слово тут «жить», Милка.

– Как жить, мам? – вяло спрашивала Мила. – Просыпаться утром, готовить завтрак, варить кофе, выбирать, какую юбку надеть, идти на работу, потом с работы... Вот вся эта рутина, по-твоему, и есть жизнь? Это же просто бессмысленное существование.

– А ты наполни его смыслом, – голос мамы звучал ласково и надежно, как всегда.

Не видя мать во время разговора, Мила была уверена, что та улыбается. Мама почти всегда улыбалась, когда смотрела на нее, а еще – на своего второго мужа, вслед за которым еще в сентябре уехала в Москву, оставив дочь в Малодвинске совсем одну. Впрочем, Мила и не думала возражать, потому что радовалась позднему маминому счастью. Та заслужила, ей-богу.

Маминому мужу, к которому Мила относилась с огромным уважением, явно тоже приходилось в нынешней ситуации непросто, но эту тему, в силу специфики его работы, домашние обходили молчанием. Блестящие аналитические способности, а также огромный опыт позволяли Андрею Погодину делать четкие прогнозы и давать дельные советы, вот только будут ли им следовать, зависело не от него. Впрочем, его привычное правило «Делай что должен и будь что будет» срабатывало и в этот раз, позволяя сохранять хотя бы внешнюю невозмутимость и мамины нервы, разумеется.

Вот только радость за маму все равно омрачалась чувством острого одиночества, которое Мила испытывала с того момента, как осталась без нее в маленьком, по сути чужом для нее городке. Пережив эту долгую холодную темную зиму, сменившуюся такой же темной весной с острым привкусом беды, Мила понимала, какую глупость совершила, приняв решение приехать в Малодвинск работать.

Тогда, летом, которое по большому счету было совсем недавно, хотя и казалось теперь, что в прошлой жизни, она искренне считала такой побег вполне оправданным, более того, необходимым, для того чтобы восстановиться после крушения всех личных планов. Уехать из родного города, где восемь лет оказались потрачены не на того человека, не ходить с ним по одним улицам, вздрагивая от одной только мысли о возможной встрече, оказаться на новом для себя месте и начать все заново, по частичкам восставая из пепла, словно птица Феникс, – такая была идея.

Мама уже тогда предупреждала, что еще ни одна проблема не решалась путем смены ландшафта, да и побег от самого себя еще тоже ни разу не привел к положительному результату, но Мила все-таки переехала в этот город, и теперь приходилось констатировать, что ничуть в этом не преуспела. Вот, правда, у мамы, которая бросила свою налаженную жизнь и уехала вслед за мятущейся дочерью, теперь все было хорошо, потому что именно здесь, в Малодвинске, она встретила Андрея Погодина и настоящую любовь [1 - Подробнее в романе Л. Мартовой «Рассвет наступит незаметно». - Прим. ред.]. Что ж, тоже результат.

Как бы то ни было, но, обустроив жизнь дочери на новом для той месте, в конце сентября мама уехала вслед за мужем, а Мила осталась «зимовать». Из двухкомнатной служебной квартирки, выделенной ей школой, в которой она преподавала английский язык, Мила переехала в дом по соседству, доставшийся Андрею Погодину в наследство от бабушки.

В нагрузку к дому она получила еще и черного, как смоль, кота по кличке Пират, который приходил когда вздумается и вообще не обращал на Милу никакого внимания, словно она была неодушевленным предметом. В наперсники Пират не годился совершенно, и к Новому году Мила уже изнемогла от долгих вечеров в пустом доме. На каникулы она, правда, съездила в Москву, к маме и Погодину, вот только проблемы в целом это никак не решало.

- Может, уволишься? - спросила как-то мама осторожно. Хорошо зная дочь, она могла предугадать ответ. - Две четверти ты отработала, имеешь полное право написать заявление. Переедешь к нам с Андреем, найдешь работу в Москве. Мил, подумай, а.

- Мамочка, конечно, я подумала, - довольно резко ответила тогда Мила. - Это предательство - бросить детей в середине учебного года. Конечно, ты была совершенно права, и решение уехать в Малодвинск было глупым, я не приспособлена к жизни в глуши, но мои ученики в этом не виноваты. Как бы мне ни хотелось жить и работать в столице, до конца учебного года я доработаю точно. А там видно будет. Да и вам с Андреем я мешать не хочу. Я же вижу, как вам славно вдвоем.

- Милка, ну что за чушь, никогда ты мне не помешаешь, - всплеснула руками мама. - И Андрей совершенно не против, чтобы ты с нами жила. Он сто раз предлагал. Не говоря уже о том, что мы в основном обитаем за городом, городская квартира пустует, да и свою снять, в конце концов, можно, жить

отдельно и устроить, наконец, свою личную жизнь. Тебе уже двадцать восемь лет, я внуков дождусь когда-нибудь?

Эта тема была для Милы совсем уж болезненной, и разговор она быстро свернула и после прекрасных десяти дней в новогодней Москве вернулась в Малодвинск, сиявший тогда белизной пышных сугробов. Колокольный звон плыл над казавшимся бесконечным льдом реки, множился в морозном воздухе на тысячи маленьких колокольчиков. Динь-динь, динь-динь.

Этой зимой Мила вдруг полюбила кататься на лыжах. Брала их в прокате, вставала на проложенную по реке лыжню и устремлялась в воскресное путешествие, наполненное звенящими колокольчиками, в котором отчего-то ее одиночество ощущалось менее остро. Зимний Малодвинск с его цветными ухоженными домиками, словно ягоды в мороженом, был не менее красив, чем летний, и Мила как-то приноровилась к нему и к себе в нем, веря, что за зимой наступит весна, а там и до лета рукой подать.

Кто ж знал, что весна окажется такой тяжелой. К счастью для Милы, на выходные перед Восьмым марта приехала мама, причем не просто приехала, а привезла полуторогодовалого ягдтерьера по кличке Кактус.

– Все не одна будешь, – объяснила мама умильно наблюдающей за обнюхивающим комнату псом Миле. – Ты же всегда хотела собаку. Вот, занимайся. Только с ним гулять много надо, охотничья порода. Но тебе полезно больше бывать на свежем воздухе. Вон какая зеленая.

– Мам, где ты его взяла? – удивленно спросила Мила. – Не щенок, вполне себе взрослая псина.

– Соседи по дачному участку попросили присмотреть, – помолчав, сказала мама. – Они уехали за границу, надолго, а собаку с собой не взяли.

Почему соседи уехали, Мила уточнять не стала. И так понятно.

– А почему он Кактус? – вместо этого спросила она.

– Потому что ершистый и колючий, – засмеялась мама. – Ягды – сложная порода, Милка, не диванная, лебезить и прислуживать не умеют. Это очень свободолюбивые собаки, прям как ты. Я думаю, вы подружитесь.

Мама через два дня вернулась к мужу, заполнив холодильник наготовленными вкусностями, а Кактус остался, и вот уже месяц Мила осваивалась в новой для себя роли его хозяйки. Характер у пса действительно оказался непростой, волевой и независимый, так что кто кому был хозяином, определить было довольно сложно. Вставать теперь приходилось на час раньше, чтобы пес мог вдоволь нагуляться и набегаться в парке. В первые дни Мила боялась спускать его с поводка, вдруг убежит, но Кактус был прекрасно обучен, по крайней мере, команду «ко мне» выполнял беспрекословно.

Самой большой проблемой оказалось то, что, очутившись на свободе, он тут же принимался с упоением рыть яму в снегу, в которую залезал чуть ли не целиком, утоляя врожденный инстинкт в норной охоте. С каждым днем подходящих для этого сугробов становилось все меньше, а значит, в скором времени рыть норы Кактус обязательно начнет в земле. В городском парке это будет серьезной проблемой, поэтому Мила ломала голову, где ей придется гулять с собакой, чтобы Кактус мог резвиться на свободе без оглядки на необходимость вести себя чинно и благородно.

Еще одна проблема была связана с тем, что Кактус оказался крайне привередлив в еде. От сухого корма, купленного Милой в единственном на весь Малодвинск «собачьем» магазине, отказался наотрез, а из каши, сваренной на мясном бульоне с добавлением овощей и мяса, вытаскивал самые вкусные кусочки, оставляя все остальное нетронутым.

На третий день Мила догадалась пропускать приготовленную еду через блендер. Пес разочарованно вздохнул, но еду съел, получив в награду кусочек груши. С того дня так и повелось – за то, что он соглашался на сваренную специально кашу, за мясом и овощами для которой приходилось ходить на рынок, ему была положена «премия» в виде какого-нибудь фрукта. В качестве вознаграждения годились бананы, хурма, но лучше всего – четвертинка груши. Приходилось следить, чтобы в доме они не переводились.

Во всем остальном Кактус был, пожалуй, совершенно беспроблемной собакой – не линял, теряя клочья шерсти, не стремился залезть в кровать или на диван, благосклонно приняв купленные и установленные в гостиной и спальне

лежанки, агрессии не проявлял совсем, на прогулках позволяя себя гладить и взрослым, и детям, если те изъявляли такое желание, но излишним дружелюбием не страдал и первым никому не навязывался.

Даже Милу он воспринимал несколько отстраненно, словно за месяц так и не привыкнув к новой хозяйке или не позабыв старых. Мила с грустью думала, что Кактус, несомненно, понимает, что его бросили, а значит, предали. У нее был опыт предательства, шрамы от которого так и не прошли, а что, интересно, думают по этому поводу собаки? Как бы то ни было, ласковым этот пес не был и иногда казался грустным и потерянным, и в такой момент ему обязательно доставалась лишняя четвертинка груши. Чтобы хоть немного утешиться.

Сегодня суббота, свободный от уроков день, и можно еще поспать подольше, но Кактус, привыкший к тому, что на неделе они с Милой вставали в шесть утра, в семь уже требовательно поскуливал, сообщая, что ему нужно на улицу. Спать хотелось ужасно, но не мучить же собаку.

Встав с постели, Мила натянула спортивный костюм, собрала волосы в хвост и, решив, что ее утренний ритуал, в отличие от собачьего, вполне можно отложить, умываться не стала. Вчера днем была оттепель, но ночью опять подморозило. Здесь, в Малодвинске, умирающая зима цеплялась за жизнь особенно ожесточенно, отвоевывая каждый вздох, и Мила уже всерьез опасалась, что носить шапку и пуховик, пожалуй, придется до мая.

Благодаря выходному дню можно было никуда не торопиться, и Мила решила пойти не в сторону парка, где все тропинки не раз уже исхожены, а другой дорогой, ведущей в ту часть Малодвинска, где она еще никогда не бывала. За полгода жизни в этом городе, несмотря на то что был он совсем небольшим, у нее сложились привычные маршруты, которые она использовала практически ежедневно, неосвоенных же мест оставалось довольно много, и Мила подозревала, что в каком-нибудь из них наверняка можно гулять с собакой, с учетом ее охотничьих особенностей.

Кузнечная слобода была одним из таких укромных уголков, на который когда-то приходился центр малодвинской жизни. Сначала именно там стоял главный городской храм, горевший за свою историю чуть ли не двадцать раз и после последнего пожара так и не восстановленный, точнее, отстроенный в совсем другом месте, где и располагался по сей день.

Потом в слободе обосновались кузнецы, и давшие ей название, но во второй половине двадцатого века привычный стук молотков стих, деревянные строения кузниц постепенно развалились, вслед за этим опустели жилые дома и, оставшись без хозяев, обветшали, скособочились, а потом и обрушились совсем. В лихие девяностые эта часть города обезлюдела совсем, земельные участки здесь практически ничего не стоили, и только в последние полгода здесь началась хоть какая-то, как сейчас принято говорить, движуха, связанная со строительством неподалеку нового аэропорта.

Часть участков выкупало государство, по ним будет проходить взлетно-посадочная полоса, да и дорогу, ведущую к аэропорту, тоже расширяли, фактически строили заново, и, как всегда бывает, по бокам от дороги уже начинал возводиться новый, по малодвинским меркам элитный, микрорайон, состоящий из частных домов.

Из-за зимы строительство еще велось вяло, ждали таяния снега и чтобы прогрелась земля, но кое-где уже участки закрывались заборами, на них начинала заходить тяжелая техника, давая понять, что летом будет вовсю кипеть большая стройка. Пока же свободного места было хоть отбавляй, и, воспользовавшись свободой субботнего утра, Мила решила проверить, насколько эта часть города подходит для прогулок с Кактусом. Хотя бы и временных.

Город в его привычном понимании, а вместе с ним и тротуар кончился примерно минут через десять ходьбы неспешным шагом. Мила остановилась, гадая, идти ли по разъезжающейся под ногами глине растаявшей обочины, или рискнуть и пойти по проезжей части асфальтированной автомобильной дороги, или вообще от греха подальше повернуть обратно.

Слева примерно в километре блестела все еще покрытая льдом, словно слюдяная, поверхность реки Двинки, на фоне которой разноцветные крыши немногочисленных уже построенных здесь новых домиков смотрелись яркими праздничными заплатками. Один из домов – больше, выше, мощнее остальных – выглядел странно. Было в нем что-то необычное, резко выделяющееся из присущего Малодвинску архитектурного стиля, сочетающего в себе архаичную старину с современным вульгарным шиком. Издалека дом был похож на корабль, взрезающий палубой гладь реки, и Миле вдруг ужасно захотелось рассмотреть его поближе.

Из-за проснувшегося не вовремя любопытства она решилась продолжить прогулку и смело шагнула на проезжую часть вместе с Кактусом, которого предусмотрительно держала на поводке. Машин на дороге, ведущей в Кузнечную слободу, было немного, но спускать собаку Мила предусмотрительно не стала. По ее подсчетам, до неожиданно появившейся цели их прогулки можно было добраться минут за пятнадцать. Ветер стих, пригревало солнце, и тепло одетой Миле было даже жарковато шагать по весенней дороге, поэтому она ослабила шарф, замотанный вокруг шеи.

Справа от дороги раскинулся небольшой перелесок, в котором, как рассказывала взявшая над Милой своеобразное шефство соседка тетя Стеша, по осени местные собирали грибы. По заверениям соседки, именно в этом небольшом еловом лесочке водились и белые, и рыжики, и грузди. Осенью она даже принесла оставшейся на зимовку в одиночестве Миле по трехлитровой банке соленых груздей и рыжиков да всю зиму иногда подкидывала пакетики с замороженными порезанными на кусочки белыми грибами, приговаривая, что следующим летом покажет девочке щедрое грибное место, вот только «девочка» теперь искренне надеялась, что к началу сезона ее уже в Малодвинске не будет.

Заяц, выскочивший из леска, стал для нее полной неожиданностью. Она даже не сразу поняла, что это именно он, просто какой-то небольшой рыжеватый клубок выкатился на противоположную обочину метрах в пяти и застыл, встав столбиком на задние лапы. Вот тут Мила и смогла рассмотреть, что это действительно заяц. Кончики его ушей были темнее всей остальной шерсти и смешно двигались, словно антенны.

Мила остановилась, чтобы не спугнуть животное, отчетливо выделяющееся на фоне сероватого снега. Намотав поводок на левую руку, правой она полезла за телефоном, чтобы сфотографировать пушистое чудо и отправить фотографию маме. Но тут зайца заметил и Кактус.

Мила совершенно не учла, что ягдтерьеры – это серьезная охотничья порода. Для начала ее пес встал в стойку, а потом рванул с места, начиная заложенное в крови преследование. Несмотря на то что весил пес никак не больше десяти килограмм, от неожиданности Мила пошатнулась и упала, больно ударившись коленками об асфальт, зашипела от боли, схватилась за ушибленное место, выронив телефон и отпустив размотавшийся поводок.

Очутившись на свободе, Кактус сиганул через дорогу, но тут заметивший кутерьму заяц отмер и тоже метнулся через проезжую часть, метя не в лес, а в расстилающееся слева поле. И именно в этот момент боковым зрением Мила заметила приближающуюся со стороны города машину.

– Кактус, Кактус, ко мне, – закричала она, но пес в раже от погони игнорировал хозяйку, снова метнулся на дорогу, преследуя свою законную добычу, прямо под колеса, – Кактус, стой, нельзя, фу.

От визга колес у нее заложило уши, и Мила, все еще сидя на мокром и грязном асфальте, зажала их руками, одновременно зажмурившись, чтобы не видеть раздавленное тельце своей собаки.

– Вы что, так и будете на земле сидеть, простудитесь же, – услышала она довольно приятный мужской голос и открыла глаза.

Перед ней стоял незнакомец, не намного старше ее, одетый, по малодвинским меркам, весьма странно – в длинное кашемировое пальто, шарф дорогого бренда, обернутый вокруг шеи, узкие брюки-дудочки и, о боже, лакированные ботинки на тонкой, совершенно не зимней подошве, нисколько не подходящей мартовской распутице.

Машина у него тоже была выпендренная, под стать ему самому, Мила глянула и глазам своим не поверила: «Альфа Ромео». Ни у кого из ее знакомых не было, да и не могло быть такой машины. Только потом ее взгляд скользнул обратно на лицо незнакомца – сердитое, но, надо признать, довольно привлекательное, с глазами неожиданного цвета расплавленного меда. Или янтаря.

От осознания, что она сидит на асфальте и откровенно пялится на человека, только что задавившего ее собаку, Милу бросило сначала в жар, а потом в холод.

– Нет, сидеть на асфальте я не буду, – пробормотала она и неуклюже встала, предпочтя не заметить протянутую ей руку. – Вы не могли бы посмотреть, что с моей собакой, быть может, ей еще можно помочь? Я боюсь сама.

– Я не готов бегать по полю за вашей собакой, – сообщил он нелюбезно. – У меня крайне скромный охотничий опыт, но полагаю, что ваш пес, как и положено ягдтерьеру, отработает на малом круге и, завершив его, прекратит

преследование. Кого он погнал? Лису? Барсука? Зайца?

– Зайца, – растерянно сказала Мила и все-таки рискнула посмотреть на дорогу, однако бездыханного Кактуса там не увидела. – Он что, убежал? Спасся?

– Кто? – В глазах незнакомца вспыхнули непонятные искорки, и спустя мгновение до Милы дошло, что он над ней смеется. – Заяц или собака?

– Кактус, – сообщила Мила, чувствуя, что выглядит полной дурой. – Так зовут мою собаку. Кактус. Получается, вы ее не задавили?

– У меня нет привычки давить собак, – сообщил он. – Даже тех, кого хозяева, вопреки благоразумию, отпускают гулять по автомобильной дороге.

– Он был на поводке, – Мила понятия не имела, почему оправдывается. – Просто заяц появился так неожиданно, и я не успела отреагировать. Не удержала поводок. Господи, Кактус... И где мне теперь его искать.

– Он совершит круг и вернется, – терпеливо повторил незнакомец. – Он у вас приучен к охоте?

– Понятия не имею, – призналась Мила. – Он живет со мной всего месяц. А до этого обитал на подмосковной даче, и я понятия не имею, ходил ли его хозяин на охоту. Наверное, надо радоваться, что этот заяц рванул в поле, а не в лес. Так поймать Кактуса, наверное, будет проще.

– Зайцы-русаки живут не в лесу, а именно в полях, – незнакомец вздохнул. Видимо, расстраивался, что зря теряет время, разговаривая на дороге с полоумной девицей, потерявшей собаку. – Они роют в земле небольшие углубления, их еще называют «форма», и все лето живут в траве, где прячут зайчат. Вон, возвращается ваша собака, смотрите.

Набегавшийся Кактус действительно возвращался к дороге, мокрый от снега, в который, Мила видела, проваливался по самые уши. Бедный пес.

– Вам куда? – голос собеседника заставил ее отвернуться от Кактуса и посмотреть на него. – Давайте я вас подвезу.

– Нет, спасибо, – возразила Мила. – Мы просто гуляем, поэтому никуда не торопимся.

– Как же вы будете гулять в таком виде?

Признаться, Мила не совсем поняла, что именно имеет в виду ее собеседник, но, опустив глаза вниз, с ужасом обнаружила на насквозь промокших и грязных джинсах довольно крупную дыру на колене. Жирная грязь щедро размазалась и по подолу пуховика, совсем недавно голубого и нарядного. Да, незнакомец прав, гулять в таком виде значит привлечь к себе невольное внимание окружающих.

– Так вам куда? – деловито спросил тот, видимо, устав препираться.

– А вам? – спросила Мила, чувствуя, что сегодня бьет все рекорды тупости и плохих манер.

Мама была бы недовольна. Она-то бы уж точно знала, как выкрутиться из столь плачевной ситуации. А точнее, как в нее вовсе не попасть.

– Мне – в Кузнечную слободу, – сообщил собеседник. – Судя по направлению вашего движения, вам туда же, поэтому еще раз предлагаю вас подвезти, тем более что вот она, ваша собака.

Мокрый и совершенно счастливый Кактус действительно выбрался из оврага на дорогу, подошел к Миле, волоча за собой по земле отчаянно грязный поводок. Вот ведь негодник. Мила наклонилась и крепко намотала петлю поводка на руку, больше терять собаку она не собиралась.

– Мы шли в Кузнечную слободу, потому что меня заинтересовал вон тот дом, – Мила кивнула в сторону «корабля», – захотелось увидеть его поближе. Но вообще-то мы живем в городе. Наверное, с учетом сложившихся обстоятельств нам лучше вернуться домой, так что вам явно в другую сторону. Да и внутрь машины в таком виде садиться неудобно. Мы с Кактусом... э-э-э... немного грязные.

Человек в кашемировом пальто рассмеялся, правда, необидно. Рядом с ним, таким невозможно элегантным, Мила чувствовала себя замарашкой. Впрочем,

именно ею она сейчас и была.

– У меня в салоне кожаные сиденья, так что протереть их потом тряпкой нетрудно, – сказал он. – Я бы предложил сразу отвезти вас в город, но не могу, у меня в слободе назначена встреча с заказчиком, на которую я уже довольно сильно опаздываю, а заказчик человек серьезный, ждать не любит. Так что предлагаю следующий вариант. Мы вместе едем в слободу, тем более что меня ждут именно на том объекте, который вы хотели рассмотреть. Я встречу с заказчиком, это займет примерно полчаса, вы за это время удовлетворите свое любопытство, а потом я отвезу вас домой. Договорились?

Объект? Заказчик? Он что, строит этот необыкновенный дом? Миле действительно становилось все интереснее.

– Да, пожалуй, я соглашусь на ваше предложение, если вас не тревожит судьба ваших сидений, – проговорила она. – Спасибо за предложение и за то, что остановились и не сбили Кактуса.

Вместо ответа он зашагал к машине, распахнул заднюю дверь, приглашая Милу и ее пса внутрь. Стараясь ничего особо не задеть, Мила уселась на самом краешке, разместив Кактуса на резиновом коврик у своих ног. Сиденья, действительно кожаные, оказались бежевого цвета, и Мила, с которой текла грязная вода, чувствовала себя ужасно неуютно.

– Меня зовут Савелий Гранатов, – представился владелец машины, невозмутимо взирая в зеркало заднего вида на осквернение своей машины. – А вас?

– Мила. То есть Камилла Эрнандес.

– Надо же, какое у вас необычное имя.

– Мой папа – канадец. Правда, родители развелись, когда мне было одиннадцать лет, но фамилию мама мне менять не стала. Хотя, надо признать, в повседневной жизни она причиняет много неудобств.

– То есть можно сделать вывод, что замужем вы не были, иначе воспользовались бы случаем сменить фамилию, причиняющую неудобства. Я не очень склонен к

политесу, так что простите, если веду себя нетактично.

– Ничего страшного, – Мила пожала плечами, – замужем я действительно не была, хотя и не понимаю, какое это имеет значение. Вы сказали, что заинтересовавший меня дом – это ваш объект. Вы строитель?

– Архитектор. Говорят, довольно модный. По крайней мере, именно поэтому меня нанял на работу местный крупный предприниматель. Оценить то, что я делаю, он вряд ли в состоянии, но имя архитектора, широко известное в узких кругах, для него значит много.

Миле показалось или в его голосе послышалась то ли горечь, то ли фальшь. Да, точно, фальшь.

– А вы кем работаете?

– Я учительница английского языка.

Мила поймала его взгляд в зеркале заднего вида. Очень внимательный.

– Никогда бы не подумал, что в местной школе английский может преподавать нативный спикер. Что ж, уровень образования в российской глубинке впечатляет. Неужели вам тут не скучно? Принципиально не уезжаете с малой родины?

– Извините, но в вас говорит снобизм, – сказала Мила сухо. – Я не местная, приехала поработать, всего на год, но уже успела убедиться, что в этом городе живут прекрасные люди. Добрые, умные, сильные. Если останетесь, хотя бы ненадолго, сможете сами в этом убедиться.

– Неужели ни одного подлеца или мерзавца? – поинтересовался Савелий Гранатов. Глаза в зеркале смеялись.

– Ну почему, – не дала сбить себя с толку Мила. – Есть и те, и другие, как и везде. Но хороших людей все равно больше, и жизнь здесь есть, пусть и не такая разнообразная в плане развлечений, как в областном центре и уж тем более в Москве. А вы сами откуда?

– Из областного центра, учился в Питере, потом вернулся.

– Что ж так? – не преминула поддеть Мила. – Я думала, что модные архитекторы все в столицах.

– А теперь снобизм говорит в вас, – он засмеялся, давая понять, что оценил ее подколку по достоинству. – Мои заказчики живут по всей стране, и дома, построенные по моим проектам, есть хоть в Подмоскovie, хоть в Эсто-Садке, да и за границей тоже. Я довольно много мотаюсь, поэтому большую часть времени вообще живу в гостиницах, но свой дом у меня в родном городе, да. Там спокойнее, тише и меньше суеты, которую я, признаться, терпеть не могу.

За разговором они свернули с асфальта на глиняную размокшую дорогу, ведущую в сторону реки, туда, где парил красавец-дом. Вблизи он казался еще более необычным. Мила была готова голову отдать на отсечение, что никогда в жизни не видела ничего подобного. Этот дом был бы вполне уместным где-нибудь на средиземноморском побережье, а вот в Кузнечной слободе выглядел космическим пришельцем. Интересно, и кто из местных мог согласиться на такой проект?

Крупных бизнесменов, способных позволить себе подобные траты, в Малодвинске было всего трое, и с двумя из них благодаря маме и Андрею Погодину Мила знакома лично. Александр Соболев, эстет и сибарит, пожалуй, больше подходил к этому дому, чем основательный, но немного лапотный Олег Васин. Вот только Соболев все еще приходил в себя после смерти Вики Угловской, при расследовании гибели которой мама и Андрей как раз и познакомились. Бизнесмен действительно любил Вику, а потому переживал случившееся тяжело, так что вряд ли был готов затеваться со столь масштабным строительством. Хотя кто их, мужчин, знает.

Машина остановилась, мягко шурша колесами по гравию специально отсыпанной под парковку площадки. Не дожидаясь, пока водитель выйдет и откроет ей дверь, Мила вышла из машины сама, выпустила Кактуса, который принялся деловито обнюхивать землю вокруг. Ей показалось, или Савелий Гранатов смотрел неодобрительно, явно недовольный ее независимостью. Мила дернула плечом, вот еще, считать, что женщина не в состоянии самостоятельно выйти из машины – это домострой и гендерное неравенство.

Впрочем, думать про это было неинтересно. Мила задрала голову, рассматривая необыкновенный дом. Вблизи он не так походил на корабль. Просто здание, хотя и довольно необычной формы. Ворота открылись, и из них вышел Олег Васин собственной персоной. Значит, это был все-таки его дом. Так и запишем. Мила вдруг представила, с каким удовольствием вечером расскажет об этом необычайном визите маме.

– Здравствуй, Камилла, – с легким удивлением, но без всякого неудовольствия сказал Васин. – Ты тут какими судьбами?

– Меня Савелий подобрал на дороге после небольшого инцидента, я с собакой гуляла. Обещал потом доставить домой, а пока любезно согласился показать дом, который очень привлек мое внимание. Он ваш, да, Олег Иванович?

– Да вот, затеялся на старости лет, – бизнесмен картинно развел руками. – Решил основательно построиться, чтобы детям и внукам было что оставить. Строит моя компания, сама понимаешь. А вот архитектора мне знающие люди посоветовали, сказали, что Савелий сейчас один из лучших.

Почему-то ей показалось, что и в этих словах кроется неправда. Но Мила тут же выкинула эту глупую мысль из головы.

– Это сразу видно, – честно призналась она. – Я этот дом с дороги заметила и сразу захотела вблизи рассмотреть. Он такой необычный. С одной стороны, ни на что непохожий, а с другой – удивительным образом вам подходит, Олег Иванович.

Последнее предложение она не собиралась произносить, поскольку еще пару минут назад была искренне убеждена, что дом-корабль никак не может принадлежать Васину. Понимание, что бизнесмен с его домом словно составляют единое целое, пришло ниоткуда, но Мила теперь видела это совершенно отчетливо. Да, пожалуй, этот самый архитектор Гранатов действительно талант.

– Нам с Олегом Ивановичем надо поговорить, – вмешался в беседу последний. – Вы можете пройти в дом, чтобы не мерзнуть, контур закрыт и отопление подключено, хотя отделка еще не закончена. Хотите?

– Нет, я лучше с собакой погуляю, – отказалась Мила, которой было неудобно заходить внутрь без приглашения хозяина. Васин же молчал, и она гадала почему. Считает, что приглашения архитектора достаточно или вовсе не считает нужным показывать свое будущее жилище изнутри? Уточнять не хотелось. – Я ведь специально шла, чтобы посмотреть, можно ли сюда приходить с Кактусом. Это норная собака, а в городском парке рыть ямы не очень правильно.

– Тут полно свободного места, – Васин махнул рукой в сторону реки и видневшегося неподалеку небольшого пролеска. – Гуляйте сколько хотите.

– Сколько у меня времени? – Миле не хотелось задерживать архитектора более положенного.

– Полчаса, – коротко ответил тот.

– Хорошо, через полчаса мы вернемся.

Мужчины повернулись и скрылись за воротами, оставив Милу одну, то есть с Кактусом, конечно. Внезапно ей стало обидно, что ее даже и не думали уговаривать остаться. Промокшие на коленках штаны неприятно холодили ноги, размазавшаяся по пуховику грязь подсыхала, отчего Мила со стороны походила на бомжа. Гулять в таком виде было неудобно, но и менять свое же, принятое явно впопыхах решение не хотелось. Не ребенок же, взрослый человек.

– Пойдем, Кактус, – уныло сказала Мила. Пес удивленно смотрел на нее, видимо, не привыкший к унылым ноткам в голосе новой хозяйки.

Мила Эрнандес и правда была совершенно не склонна к унынию, но этой весной все шло наперекосяк, совершенно все. По тропинке, ведущей в сторону реки, они дошли до перелеска, где Мила, наконец, спустила собаку с поводка. Счастливый Кактус тут же кинулся рыть нору в мокрой черной земле, и Мила с ужасом думала о том, что теперь, пожалуй, посадить собаку в бежевое нутро «Альфа Ромео» будет и вовсе невозможно.

Впрочем, в леске хорошо пахло – какой-то свежей весенней прелью, от аромата которой хотелось верить, что все обязательно будет хорошо. Прислонившись спиной к стволу березы (а что, пуховик все равно стирать), Мила закрыла глаза и внезапно ощутила, как на нее снисходит какое-то странное спокойствие. Ей

было хорошо вот так бесцельно и бездумно стоять в весеннем лесу, в котором только-только начал сходить снег, и слушать робкое пение птиц, словно, как и Мила, не верящих в то, что весна, а вслед за ней и счастье, не просто возможны, а совсем близко.

Послышался негромкий звук, словно под чьей-то ногой хрустнула ветка. Мила распахнула глаза, ей внезапно стало страшно, что здесь, в лесу, вдалеке от жилья и людей, она находится совершенно одна. Между голыми стволами мелькнуло что-то темное, она не успела разглядеть, что именно, потому что сбоку вылетел из вырытой им ямы Кактус, с хриплым лаем помчался в сторону лесной чащи, видимо, преследуя невидимого Милой врага.

– Кактус, Кактус! – закричала она, испугавшись, что не сможет догнать собаку. Потеряется, что она будет делать. За тот месяц, что пес жил в ее доме, она успела к нему привыкнуть и полюбить. – Кактус!

Пес, услышав ее призыв, остановился вдалеке, встав в классическую охотничью стойку, еще пару раз гавкнул и неохотно потрусил обратно, то ли прогнав врага, то ли решив, что тот не стоит его внимания.

– И где с тобой прикажешь гулять? – ворчливо спросила она у подбежавшей собаки и нагнулась, пристегивая поводок. – Пойдем, горе мое. Нам надо возвращаться, нехорошо, если нас придется ждать.

Ее собака что-то держала в зубах. Разглядеть, что именно, не удавалось, потому что разжимать челюсти и показывать свою добычу Кактус не собирался, мотал головой, уворачиваясь от хозяйкиных рук, и, помучавшись с минуту, Мила плюнула и оставила пса в покое. Не хочет, пусть несет неведомую поклажу, пока не надоеет. А как надоеет, сам бросит.

По той же тропинке они вернулись обратно к васинскому дому. Савелий Гранатов уже стоял у машины, расслабленно опираясь на дверцу. Мила тут же почувствовала себя виноватой, что заставила себя ждать.

– Простите, – покаянно сказала она, – Кактус сначала увлекся рытьем ямы, а потом погнался за каким-то зверем.

Архитектор засмеялся, словно она сказала невесть что смешное.

– Ваша собака, похоже, ищет любой повод проявить свои охотничьи инстинкты. Вот только места выбирает явно неподходящие. Откуда тут зверь, фактически в городской черте?

– Но там точно кто-то был, – упрямо сообщила Мила. – Я видела.

– Кто? Кабан?

– Понятия не имею. Что-то темное пробиралось сквозь кусты. Кактус погнался, а потом вернулся, потому что я его позвала.

– Если бы это был зверь, то он бы не вернулся, а погнал его по кругу, – голос Савелия Гранатова звучал наставительно. – Ладно, не важно, поехали, я отвезу вас домой. Вас обоих, простите, нужно хорошенечко вымыть.

Мила опустила глаза на свои грязные джинсы и куртку, и лицо ее вспыхнуло от смущения. Золушка и замарашка, вот она кто.

– С того момента, как мы в прошлый раз сидели в вашей машине, Кактус стал значительно грязнее, – покаянно сказала она. – Может быть, вы поезжайте, а мы сами доберемся?

Вместо ответа он распахнул дверь. Тяжело вздохнув, Мила полезла внутрь, Кактусу повторять приглашение и вовсе было не нужно.

– Я с Олегом Ивановичем не попрощалась, – спохватилась Мила, когда машина тронулась.

– Олег Иванович уже уехал, – ответил ее новый знакомый. – Он человек занятой, у него еще в строящемся аэропорту дела.

Строительная компания Олега Васина действительно выиграла тендер на строительство нового аэропорта и всю вела работы, стараясь уложиться в довольно сжатые сроки. К примеру, на другом конце Кузнечной слободы шло выравнивание местности под возведение взлетно-посадочной полосы. Частные участки выкупило государство, и там теперь сносились остатки домов, конечно, где они еще остались. Один из таких земельных участков и стал причиной

убийства Вики Угловской, и, несмотря на то что с того дня, как это случилось, прошло уже семь месяцев, Мила никак не могла взять в толк, как из-за куска земли и положенных за него денег можно убить человека.

– А вы в Малодвинске давно? – спросила она у своего нового знакомого. Не то чтобы ей было интересно, но молчать было как-то невежливо. – Просто я вас не видела, а городок маленький.

– Я вас тоже не видел, – серьезно ответил тот, не поворачиваясь. Мила видела в зеркале заднего вида его глаза. Серьезные и внимательные. – А в Малодвинске я бываю в основном наездами. Первый раз был в сентябре, когда Олег Иванович заказал мне проект дома. Приезжал смотреть местность и контекст, так скажем, в котором предстоит находиться моему дому. Я никогда не строю вне контекста.

– Дом выглядит странно, – призналась Мила. – Очень интересно выглядит, потому что он совершенно не похож на Малодвинск с его патриархальным укладом, но при этом идеально в него вписывается и Олегу Ивановичу удивительным образом подходит, хотя нет никого более далекого от современных реалий, чем он. Не знаю, как объяснить.

– Да не надо ничего объяснять, – Савелий Гранатов засмеялся, – именно в этом суть моей работы. Чтобы дом идеально подходил месту и владельцу и при этом был ни на что не похож.

– Я бы хотела увидеть другие ваши дома, – сказала Мила и, спохватившись, замолчала, поскольку это выглядело так, словно она напрашивается на продолжение знакомства. Еще чего не хватало. Ясно же, что он сейчас довезет ее до дома, и больше они никогда не увидятся.

– Я вам покажу, у меня есть фотографии, – ответил он, не заметив ее замешательства. – Раз уж вы так интересуетесь архитектурой, что же в дом не зашли. Там внутри тоже есть на что посмотреть. Сейчас я планирую пробыть в Малодвинске не меньше недели. Хотите, возьму вас на объект еще раз? Уверен, что Олег Иванович не будет возражать. Заодно и альбом со своими работами покажу.

– Если это удобно, – неуверенно согласилась Мила.

Он снова засмеялся. Смех у него был приятный, мягкий, звонкий, открытый. Словно этот человек никогда не держал камня за пазухой.

– Удобно. Камилла, я зарабатываю на жизнь тем, что проектирую дома, поэтому показывать свои работы как можно большему числу людей – одна из составляющих моей работы. Я вас совсем не знаю, но вдруг у вас есть знакомые или родственники, которые подумывают о строительстве, вы впечатлитесь моими проектами, расскажете им, что есть, мол, один интересный архитектор, и, вуаля, у меня новый заказ.

– А если у меня нет таких знакомых?

– А это никогда заранее неизвестно, так что зачем про это думать. Говорите ваш адрес, куда ехать?

Действительно, за разговором они уже въехали в основную часть Малодвинска, до дома, где жила Мила, оставался всего один квартал, и она назвала адрес, внутренне сожалея, что ее внезапное утреннее приключение так быстро заканчивается.

– Вы в гостинице живете? – спросила она.

– Да, в «Северном сиянии». Она принадлежит Васину, поэтому я там на правах гостя, а не постояльца.

– Экономно.

– Да дело не в этом, в общем-то, – он снова пожал плечами. Мила уже понимала, что это его любимый жест. – При общем уровне затрат на дом и размере моего авторского гонорара цена номера в отеле не имеет значения ни для одной из сторон. Все, приехали. Это ваш дом?

– Это дом мужа моей мамы, – зачем-то объяснила Мила. – Я просто тут временно живу. Спасибо, что подвезли, Савелий.

– Тогда завтра я вас заберу, чтобы съездить на объект, – не спросил, а, скорее, сообщил он. – Во сколько вам удобно? В девять не рано?

– Нет, не рано. – Мила вдруг так сильно обрадовалась тому, что приключение будет иметь продолжение, да еще так скоро, что даже улыбнулась, впервые с конца февраля. Как-то не видела она до этого в окружающей действительности особых поводов для улыбок. И вот на тебе, повод этот появился в лице стильного и явно высокомерного архитектора. Ишь ты, авторский гонорар у него большой. – Спасибо еще раз, в том числе и за приглашение завтра присоединиться к вам. Я с удовольствием осмотрю дом изнутри. Постеснялась просто сегодня попросить у Олега Ивановича разрешения.

– Тогда до завтра.

Он не стал выходить из машины, чтобы открыть ей дверь, видимо, уже успел оценить степень Милиной самостоятельности. Она вылезла сама, выпустив рвущегося на свободу Кактуса. Эта собака вообще плохо выносила вынужденную обездвиженность. Ему все время нужно куда-то бежать, нюхать, рыть, догонять. Что ж, ягдтерьеры – такая порода.

– Пойдем, буду тебя мыть, – сообщила она псу, провожая взглядом удаляющуюся вдаль «Альфа Ромео», и пробормотала под нос: – Пижон. Нет, Кактус, это я не про тебя.

Назавтра к девяти утра Мила была полностью готова к новой встрече с архитектором, которую отчего-то очень ждала, уверяя себя, что чувство предвкушения вызвано отчаянной скукой, которую она испытывала в лишенном событий и впечатлений Малодвинске.

Разумеется, накануне вечером она рассказала про неожиданное знакомство маме.

– О, я слышала про Гранатова, – сказала та, совершенно Милу не удивив. Она уже привыкла, что мама знает обо всем на свете. – У меня есть одна знакомая, очень почтенная дама. Ее зовут Екатерина Александровна Макарова, так вот этот архитектор проектировал дом ее сыну. Она мне показывала фотографии, просто чудо, а не дом. Если и все остальные у него такие же, то он явно очень талантлив.

Почему-то слышать это было приятно.

– Он мне обещал завтра показать свои работы. Где, ты говоришь, дом у сына твоей знакомой?

– В Излуках. Милка, я рада, что у тебя появилось такое интересное знакомство, а то ты там совсем закисла в своем Малодвинске. Надолго он приехал?

– Еще на неделю, – голос у Милы сник, потому что она вдруг поняла, как быстро пролетит это время.

– Достаточно, чтобы влюбиться, но явно недостаточно, чтобы потерять голову, – философски заметила мама. – Будем считать, что я за тебя спокойна.

– Mam, я не собираюсь в него влюбляться, – возмутилась поклепу Мила. – Он такой высокомерный, что ни за что не обратит на меня внимания. Еще бы, простая училка из провинциальной глуши. А безответной любви с меня достаточно. Прививка сделана надежная, так что не волнуйся, я не заболею.

– Ага. То-то голосок дрожит, – мама не выдержала, засмеялась. – Ой, Милка, обещала коза в огород не ходить. Хотя я была бы даже рада, мне твоя добровольная анестезия души кажется избыточной. Давно уже пора разморозиться. Так что влюбляйся на здоровье. Только без страданий.

– Да не буду я страдать, – теперь Мила уже возмутилась по-настоящему. – Что ты придумываешь? Мне просто интересно узнать что-то новое для себя. Тем более что мне тут адски скучно, а думать о том, что творится в мире, я больше не могу. Мне переключиться нужно, иначе я с ума сойду. Так почему бы не переключиться на архитектуру.

– Переключайся, кто ж тебе запрещает. – В голосе мамы чувствовался смех, и Милу это здорово раздражало. – Ладно, доченька, я побежала. Андрей с работы вернулся, буду его кормить.

– Ну да, Андрей Михалыч у нас человек государственный, даже по субботам работает, – съязвила Мила, хотя и знала, что ступает на скользкую дорожку. Мама нападок на Погодина не терпела даже от единственной дочери.

– Ну да, работает, – в голосе мамы действительно появились металлические нотки. – И про его работу я тебе, сама понимаешь, рассказать не могу. Да и не считаю нужным. Ты достаточно про него знаешь, чтобы понимать, что на сделку с совестью он никогда не пойдет.

– Знаю, мам, – примирительно сказала Мила. – Это я из вредности. Прости.

– Ладно, проехали. В общем, завтра, как вернешься со своей экскурсии, сразу мне позвони и все расскажи. Мне же интересно. Поняла? А я пока поищу в интернете информацию про этого твоего архитектора. Посмотрю хоть, как он выглядит.

С точки зрения Милы архитектор выглядел вполне себе симпатично. И она ко второй поездке готовилась старательно, надел новые джинсы, подаренные мамой на Новый год, очень дорогие даже для той фирмы, лейбл которой ненавязчиво, как это бывает у очень дорогих вещей, красовался на попе, ярко-красный укороченный пуховичок, который практически не носила в Малодвинске, потому что в этих местах и морозах смотрелся он странно и неуместно, а также осенние, тоже новые ботинки с пуговицами, для которых был еще не сезон. Но они же на машине, не страшно.

Ровно в девять под окном раздался короткий гудок клаксона. Мила прицепила Кактуса на поводок, выскочила на крыльцо и заперла дверь. Савелий ждал ее у машины.

– Доброе утро, – вежливо поздоровался он. – Привет, Кактус.

Пес радостно заскакал вокруг архитектора, подставляя спину, чтобы его погладили. Вот же предатель. Миле он давал гладить себя не часто, явно демонстрируя, что делает одолжение. Слишком уж независим. И вот вам, пожалуйста.

– Я поставил в известность Олега Ивановича, что покажу вам дом. Он не возражает.

Надо же, не попросил разрешения, а поставил в известность. Что ж, весьма интересная и о многом говорящая деталь. Так и запишем.

Через мгновение Мила и Кактус уже расположились на привычном для себя заднем сиденье, и машина мягко тронулась, набирая скорость.

– Я нашел игрушку Кактуса, – сказал Савелий, как и вчера разглядывая Милу в зеркало заднего вида. Это и бодрило, и напрягало одновременно. – Приедем на место, напомните, чтобы я отдал. Она в бардачке.

– Какую игрушку? – не поняла Мила.

У Кактуса была любимая утка, с которой он практически не расставался, а еще слоник, ежик и кот, но на прогулку эти игрушки с собой никогда не брали, они существовали исключительно для домашнего использования.

– Я вчера, когда мы расстались, загнал машину на мойку и нашел на заднем коврике какую-то кожаную штучку. Решил, что это игрушка вашей собаки. Нет?

– Нет, – покачала головой Мила. – Вполне возможно, что Кактус что-то и подобрал на прогулке. Это же охотничья собака, его хлебом не корми, дай поносить что-нибудь в зубах. Но это не игрушка, так что можете смело выбросить. А ты, плохая собака, что успел найти? Вот отравят тебя когда-нибудь, будешь знать.

– Отравят?

– Ну, часто же пишут в интернете о хедхантерах, которые ненавидят собак и специально разбрасывают отраву. В Малодвинске, конечно, такие случаи вряд ли возможны, тут уклад жизни иной и люди совсем другие, но все-таки лучше, когда собака приучена не подбирать с земли потенциально опасные предметы.

– Люди другие, – задумчиво произнес Гранатов. – На это бы я как раз не рассчитывал. Люди, Камилла, везде одинаковые. И их характер, повадки и нравственные качества от географии и ландшафта за окном точно не зависят.

Голос у него был странный, как будто он говорил о чем-то своем, очень личном. Мила предпочла за лучшее промолчать.

Доехали они быстро. Как и накануне, странный, ни на что не похожий дом открылся еще с дороги, привлекая внимание и завораживая взгляд. Несмотря на то что Мила вчера видела его вблизи, у нее снова на какой-то миг перехватило дыхание от его не красоты, нет, а от основательности и мощи. Да, слова были найдены, и они объясняли, почему это здание так подходило своему хозяину Олегу Васину.

– А как Олег Иванович вас нашел? – спросила Мила с искренним интересом. – Признаться, во время нашего знакомства он вовсе не произвел на меня впечатление человека, разбирающегося в современной архитектуре и способного нанять на работу модного дизайнера. В его духе поставить на своем участке обычный деревянный сруб.

– Мы с детства знакомы. С моего, разумеется, детства, – ответил Савелий.

Странно, вчера он говорил другое.

– Да? А я считала, что Олег Иванович всю жизнь провел здесь, в Малодвинске, – вскользя изумилась она.

– Да это не важно. Тем более что мы уже приехали.

Действительно, машина, шурша колесами, уже остановилась на той же гравийной парковке, что и вчера. Засучил лапами, желая выбраться наружу, Кактус. Мила быстро открыла дверь, чтобы пес не успел поцарапать кожаное нутро салона. Нет, не предназначена «Альфа Ромео» для перевозки ягдтерьеров, совсем не предназначена.

Дом внутри оказался таким же прекрасным, как и снаружи. Черновая отделка уже полностью закончена, чистовая же продолжалась на втором и третьем этажах, а вот расположенные на первом этаже просторная кухня-столовая, гостиная, библиотека и две гостевые спальни были уже готовы полностью и даже меблированы.

Больше всего Миле понравилась кухня, начиненная суперсовременным оборудованием, но при этом оснащенная еще и настоящей русской печью под мощной, практически космической вытяжкой. Печь была отделана изразцами ручной работы и в этом доме стиля модерн не смотрелась неуместной, наоборот,

была так удачно вписана в интерьер, что казалась центральной его частью.

Все остальное пространство выстраивалось вокруг этой печи, работая на нее, обыгрывая ее основательность и самостоятельность. Печь дополнялась и блестящими панелями огромного холодильника, и длинным широким, персон на двадцать столом на металлических ножках и с каменной столешницей, и легкими, совершенно не устаревшими стульями с высокой удобной спинкой, и свисающей с потолка люстрой, да не одной, а несколькими, выполненными в одном стиле, но разными, причем каждая из них практически являлась произведением искусства.

Это было так красиво, уместно, легко и основательно одновременно и при этом так комфортно и удобно, что у Милы захватило дыхание от восторга.

– Вы удивительно талантливый, Савелий, – сказала она, не сумев сдержать этот рвущийся изнутри восторг. – Я никогда не видела ничего подобного. Олегу Ивановичу с вами очень повезло.

– Зато его банковскому счету повезло гораздо меньше, – архитектор засмеялся. – Я сразу его предупредил, что сэкономить на отделке не получится. И в результате сейчас ситуация крайне близка к той, что описана в знаменитой «Саге о Форсайтах». Боюсь, архитектор, то есть я, значительно превысил утвержденную смету, и Васин, в лучших традициях Сомса Форсайта, не очень-то этому рад.

– Я надеюсь, он не будет с вами судиться, а вы не намерены погибнуть под колесами, как архитектор Боссини, описанный Голсуорси?

– То есть «Сагу» вы читали, – с удовлетворением отметил Гранатов. – Это хорошо, я люблю, когда совпадают культурные коды, особенно если человек мне симпатичен. Правда, Филипп Боссини попал под лошадь, а не под колеса. Но нет, я вовсе не собираюсь повторять его судьбу, уверяю вас. А Олег Иванович ведет себя вполне достойно, понимает, что это не я виноват в том, что цены на все позиции взлетели минимум на сорок процентов. Да и выбор резко сократился, мы сейчас стараемся выкупить все, что найдем, потому и встречаемся каждый день. Вы, кстати, не против, если я оставлю вас на полчаса? Сейчас Васин приедет.

– Конечно, нет, – воскликнула Мила. – Вы и так потратили кучу времени, чтобы показать мне дом.

– Можете подождать в библиотеке, там очень удобные кресла.

– Нет, мы с Кактусом лучше пройдемся, – отказалась Мила.

Рассиживаться в чужих креслах без приглашения хозяина дома она считала неуместным, да и погода сегодня была гораздо лучше вчерашней. Яркое солнце делало день по-настоящему весенним, почти теплым. Оказавшись на улице, она повертела головой, принимая решение, куда идти. Вчерашний лесок, расположенный слева, она отмела сразу, ей не хотелось, чтобы Кактус снова извалялся в грязи, испачкав бежевое нутро «Альфа Ромео», которую вчера пришлось загонять на чистку.

Поэтому, не отпуская собаку с поводка, она пошла направо, к другим участкам и возводимым на них домам. Почему-то вдруг ей захотелось увидеть ту землю, из-за которой в конце минувшего лета в Малодвинске произошло убийство. Мама с Погодиным там бывали, а вот Миле не довелось. Между тем именно на том земельном участке располагались остатки старого городского храма. Сейчас участок, выкупленный государством, активно расчищался.

Именно по нему должна была проходить дорога, ведущая к будущему аэропорту. Располагался он на окраине Кузнечной слободы, по крайней мере, от дома Васина туда нужно было идти минут пять-шесть. Оно и понятно, кто вкладывает деньги в дорогое строительство в непосредственной близости к взлетно-посадочной полосе? Никому ведь не надо, чтобы у тебя над головой летали самолеты.

На гравийной дороге, идущей вдоль всей слободы, снег уже растаял, было довольно чисто, поэтому Мила, подумав, все-таки решила спустить собаку с поводка. Кактус нуждался в свободе, и уж если она привезла его на городскую окраину, то хотя бы должна дать немного побегать. Радостно взвизгнув, пес тут же умчался вперед, но, впрочем, не пропав из вида.

На окраине поселка под строительство расчищалось сразу несколько земельных участков. Тот, на котором располагался храм, был самым крайним, участок перед ним был полностью лишен построек, просто пустырь, заросший засохшим и

вмерзшим в слежавшийся снег бурьяном, а вот на третьем с конца кренились к земле остатки какого-то здания, причем каменного и очень старого.

Нырнув под проржавевшую и провисшую сетку-рабицу, Кактус деловито обнюхивал обнажившийся полуразрушенный каменный фундамент и вдруг начал активно рыть землю вокруг него, словно прорывая вход в лисью нору. Ну что поделать, если собака норная? Стоя за забором, чтобы не нарушить границы чужих владений, Мила смиренно наблюдала за тем, как летят вокруг комья подмерзшей земли. Что ж поделать, придется просить разрешения у Васина вымыть собаке лапы перед тем, как садиться в машину.

Кактус рыл с упоением, даже не оглядываясь на хозяйку, у которой начали подмерзать в щегольских осенних ботинках ноги. Вот не выпендривалась бы, а надела сапожки на меху и чувствовала бы себя гораздо увереннее. Впрочем, она же ехала на экскурсию, которая вовсе не предполагала долгой прогулки. В вырытой им яме, точнее, подкопе, ведущем под дом, Кактус скрылся уже почти наполовину. Только черная со светло-коричневым кружком под хвостом попа торчала наружу.

Мила вдруг забеспокоилась, что, оказавшись в узком лазу целиком, ее собака не сможет выбраться обратно. А если земля обрушится под тяжестью старых камней? Когда Кактус появился в ее доме, она много читала про эту породу, а потому знала, что ягдтерьеры часто гибнут на охоте из-за того, что их завалило землей, и хозяевам частенько приходится их откапывать. Господи, ну почему у маминых соседей по даче оказалась не болонка, а охотничья собака, причем довольно упрямая!

– Кактус, Кактус, вылезай, – без всякой, впрочем, надежды на успех позвала Мила. – Если ты там застрянешь, что я буду делать?

Ее пса вообще не волновало, что именно она будет делать. Комья земли продолжали лететь из ямы, как будто там работал небольших размеров экскаватор. Внезапно Мила услышала какой-то треск, а потом звон, как будто под землей что-то разбилось. Чертыхаясь и пытаясь отозвать собаку, Мила полезла через дыру в сетке. Торчащая проволока зацепилась за ткань красного пуховика, Мила замерла, чтобы его не порвать, негнуцимися пальцами отцепилась от сетки. Она очутилась все-таки внутри участка, оскальзываясь на мокром снегу, подошла к разрушенному дому, присела, потянув Кактуса за задние лапы.

– Вылезай, я кому сказала?

Пес издавал какие-то звуки, которые можно было принять и за «да, хозяйка, как знаешь» и за «да пошла ты к черту, я тут делом занят». Среди кучек земли, которую он успел выдать «на гора», что-то блестело. Мила присела и подняла это что-то, оказавшееся полустертой, потемневшей от времени монетой. Рядом лежала еще одна, и еще, и еще. «Десять грошей» – прочитала она на одной. «Король Александр Цезарь» – на другой. Монеты были явно польскими. Что же это получается, Кактус нашел клад?

– Вылезай, – повторила Мила, почему-то шепотом. От странности происходящего ее даже в жар бросило, хотя за минуту до этого она чувствовала, что замерзла. – Кактус, я кому говорю?

Почему-то на этот раз собака послушалась, то ли устала рыть землю, то ли убедилась, что в выкопанной ею норе не живет никто интересный, то ли расслышала что-то особенное в Милиной интонации, но перепачканной землей Кактус предстал перед ней, лизнул в нос, вопросительно заглядывая в лицо. Что, мол? Мила отодвинула его, заглянула в яму, в которой, пусть и довольно далеко, увидела расколотый глиняный горшок, а рядом с ним россыпь все тех же монет. Точно, клад.

Доставать его она не решилась, потому что понятия не имела, как следует поступать при нечаянном обнаружении клада. Кажется, он принадлежит государству, а ей положена четверть? И кому в таких случаях звонят? В полицию? В МЧС? Немного подумав, Мила достала телефон и позвонила Олегу Васину. Телефона архитектора Гранатова у нее не было, а васинский был. Его ей оставил Андрей Погодин, настрого велел звонить местному олигарху в случае непредвиденных проблем. Васин был Погодину должен. Не деньги, нет. За оказанную ему услугу он расплатился сполна, вот только благодарность за то, что Андрей Михайлович спас его от неприятностей и сохранил репутацию, да еще и убийство раскрыл, было таким сильным, что для Погодина один из хозяев Малодвинска был готов на что угодно.

– Олег Иванович, это Мила Эрнандес, вы еще не уехали? – спросила она слегка дрожащим голосом, прицепляя Кактуса на поводок.

Пес заворчал от того, что его вновь лишают свободы.

– Да вот собираюсь, мы с Савелием на сегодня закончили, – благодушно пророкотал голос в трубке. – А что случилось, Мила? Я тебе зачем-то нужен?

Немного сбивчиво она рассказала, что, кажется, нашла клад. То есть, разумеется, не она нашла, а Кактус.

– Кактус? – недоуменно спросил Васин. – Клад? Девочка, ты не заболела часом? Ты где?

– Я у старого дома, расположенного через один от участка Валевского, – объяснила она.

Валевский был учителем истории, создавшим летопись Малодвинска и долгие годы потративший на то, чтобы найти главную его реликвию – осколок старинного колокола Варлаама. Старый человек умер от сердечного приступа, узнав, что убили его воспитанницу и наследницу, спустя две недели после того, как Мила приехала в город, поэтому познакомиться с ним она не успела, а вот написанные им книги прочитала с огромным интересом.

– Кактус – это моя собака, вы его видели. Он начал рыть яму рядом с фундаментом и откопал какой-то горшок с монетами. Олег Иванович, я совершенно здорова, это действительно клад, просто я не знаю, что с ним теперь делать. Вы можете сюда прийти? Пожалуйста.

Кажется, до Васина начало доходить, что она говорит серьезно.

– Сейчас буду, – коротко бросил он и отключился.

Разумеется, Савелий Гранатов притащился вместе с ним. Оценил прореху в сетке-рабице, оцетинившейся рваными краями, коротко усмехнулся и перемахнул через забор, предпочитая не рисковать своим кашемировым пальто. Васин же, кряхтя, полез в дыру в заборе, коротко ругнулся, как и Мила зацепился курткой за проволоку, но сумел пробраться внутрь участка без потерь.

– Показывай, что тут у тебя, девочка?

- Вот, - Мила протянула раскрытую ладонь, на которой лежало несколько монет.

- Интере-е-есно. Где, ты говоришь, они лежали?

- Вон там. Там горшок. Кажется, Кактус его разбил.

Кряхтя, Васин встал на одно колено, заглянул в подкоп, вырытый собакой.

- Ничего не видно, гибкость уже не та. Савелий, сынок, посмотри ты.

Мила с интересом смотрела, как архитектор выкрутится из положения, но он оказался на высоте, скинул пальто, сунул ей в руки, присел и, элегантно изогнувшись, посмотрел под фундамент.

- Действительно разбитый горшок с монетами, - доложил он Васину. - Судя по тому, что монеты довольно старинные, это на самом деле клад.

- Что значит, на самом деле? - не поняла Мила.

- Не все, что вы находите в чьем-то огороде, является кладом, - сообщил Савелий. Голос у него звучал назидательно. - Если, к примеру, кто-то специально спрятал в землю что-то принадлежащее ему, например драгоценности, то кладом это считать нельзя. Определение этого слова можно найти в двести тридцать третьей статье Гражданского кодекса, которая так и называется «Клад». Согласно ей клад - это зарытые в земле или сокрытые иным способом деньги или ценные предметы, то есть ювелирные изделия, драгоценные камни, монеты, но не документы или рукописи. Там же написано, что кладом могут считаться только вещи, собственник которых не может быть установлен либо в силу закона утратил на них право.

- И что делать дальше? - спросила Мила нетерпеливо.

- Да, в принципе, все что хотите, - он вскочил с корточек и потянул у нее из рук свое пальто. - Это зависит от уровня вашей сознательности.

- В смысле? Клад же полагается сдать государству.

– По закону да. Но в Уголовном кодексе, знаете ли, нет статьи за сокрытие клада. Теоретически вы должны сфотографировать свою находку и сообщить о ней в полицию. Но если этого не сделать, то максимум, что вам грозит, это конфискация найденного. В случае если о ней узнают, разумеется.

Почему-то Миле казалось, что он над ней издевается.

– Я не собираюсь ничего скрывать, – сказала она решительно. – Раз положено сфотографировать, давайте сфотографируем, а потом позвоним в полицию. Мне чужое ни к чему.

– То, что вы высокоморальны, написано у вас на лице, – Савелий галантно поклонился. – Правда, вы должны понимать, что ваша находка чревата лично для вас долгим и нудным геморроем. То есть разборками с государством. Хотите тратить на это время? Пожалуйста. Все по той же двести тридцать третьей статье ГК, клад поступает в собственность лица, которому принадлежит участок, и лица, нашедшего клад. В данном случае эта земля выкуплена государством под строительство, поэтому владеть всем этим добром вы будете пополам. Правда, только в том случае, если эти монеты не имеют исторической ценности.

– А если имеют? – Миле вдруг стало по-настоящему интересно. Гранатов пожал плечами.

– В случае, когда клад имеет историческую ценность, его по закону следует отдать государству, а вы сможете рассчитывать на компенсацию. Двадцать пять процентов от стоимости клада отходит владельцу участка, то есть в нашем случае опять же государству, а двадцать пять процентов вам. Вот только отжимать свою долю вам, скорее всего, придется через суд. Наше щедрое государство делиться не очень-то любит.

– Я поступлю по закону и по совести, – твердо сказала Мила, – а дальше разберемся. Правильно, Олег Иванович?

– Правильно, – кивнул Васин. – На какую сумму вытянет все это добро, пока сказать сложно, а неприятностей в случае чего не обернется. Лучше спокойно спать с чистой совестью. Всю жизнь так живу, еще ни разу не пожалел.

- Тогда, Олег Иванович, пожалуйста, позвоните в полицию.

Мила уже совсем не чувствовала замерзших в тонких ботинках ног. Пока приедет полиция, пока закончатся все оперативные действия, она совсем окоченеет. Но другого выхода-то нет.

- Я сейчас вернусь, - услышала она голос архитектора, который так же лихо перепрыгнул через забор, как и в первый раз. - Вы пока фотографии сделайте. Все равно понадобится.

Кактус явно предпочел бы следовать за ним, по крайней мере, пес рванул в сторону забора так стремительно, что чуть не уронил не ожидавшую такой лихости Милу.

- Кактус, - воскликнула она. - Ты что, сумасшедшая ты собака!

- Меня собаки любят, - прокричал архитектор издали. - Впрочем, не только собаки.

Вот ведь наглец. Вернулся он действительно быстро, неся в руках, Мила глазам своим не поверила, пару валенок.

- Надевайте, - сказал он, в третий раз ловко перемахнув через забор. - Нельзя ходить на дело в ботинках из телячьей кожи, уважаемая Камилла. Особенно в местных широтах. Насколько я знаю методы работы доблестной полиции, приедут они не быстро и топтаться тут нам придется долго. Не хотелось бы, чтобы ваша прогулка за кладами закончилась воспалением легких. Не уверен, что в местной глуши его умеют лечить.

Мила с благодарностью посмотрела на него, расстегивая молнию на своем щегольском ботинке.

- Что вы делаете? - остановил ее архитектор. - Эти валенки сорок пятого размера. Вы выпадете из них, если наденете просто на тонкий носок. Шагу не сможете ступить, чтобы не упасть. Залезайте туда прямо в ботинках.

- Они грязные...

– Да что ж поделывать, если вы все время что-то пачкаете, – он засмеялся, поэтому фраза прозвучала необидно.

– Спасибо, – искренне поблагодарила Мила, уже не чувствовавшая ног. – А откуда у вас валенки?

– Лежат в багажнике.

– Всегда? – Мила представила ярко-красную «Альфа Ромео» и тоже засмеялась.

– Зимой всегда. От нашего с вами славного города до Малодвинска пятьсот километров, причем трасса большую часть времени совершенно пустынна, да и сотовая связь ловит не везде. Если сломаться, то можно застрять в ожидании помощи на несколько часов. Зимой это очень слабое удовольствие, поэтому я вожу в багажнике валенки и теплый меховой тулуп. Я много езжу по стране, и подобная предусмотрительность нелишняя. Сами же видите.

Да, сейчас его валенки были как нельзя кстати.

– Кстати, я, пока шел, посмотрел в интернете, что именно вы нашли. Это монеты Царства Польского, или так называемой Конгрессовой Польши, которые выпускались с 1815 по 1915 год. Покажите еще раз.

Мила послушно достала монетки, которые успела убрать в карман пуховика.

– Вот это пять злотых 1817 года. Серебряная монета с профилем короля польского Александра Первого.

– Дорогая? – зачем-то уточнила Мила, находящаяся под впечатлением от того, что Гранатов, в отличие от нее, уже успел оценить находку.

– От ста до ста пятидесяти долларов. В зависимости от состояния. А вот это монета в десять грошей, она не серебряная, а билонная. Стоит порядка десяти долларов.

– Что значит «билонная»? – спросила Мила.

– Неполноценная монета, чья покупательская способность превышает стоимость содержащегося в ней ценного металла. То есть серебра в ней минимум, пятисотая проба и ниже, а все остальное лигатура, чаще всего медь. Ее цена зависит от состояния, но ваша довольно стертая, по крайней мере, коронованный двухглавый орел и мантия с польским орлом на груди видны плохо. А вот это уже экземпляр подороже, долларов в семьдесят, – он ткнул в третью монетку, лежащую у Милы на ладонке. – Два злотых, тоже с королем Александром. А вот эта маленькая медная монетка в один грош. Год выпуска 1820-й, состояние хорошее, так что долларов тридцать можно за нее выручить.

Мила смотрела на лежащие на ее ладони четыре монетки, которые, если верить Савелию Гранатову, тянули на двести пятьдесят долларов. А под домом их целый горшок. Ай да молодец Кактус, целое состояние нашел.

Впрочем, гораздо больше денег, которые можно было получить за клад, Милу волновал отчетливый привкус приключения, в которое она, кажется, попала. Жизнь в Малодвинске была так скучна и однообразна, что она с тоской вспоминала летнее расследование, в которое втянулась благодаря маме. Адреналин, бушующий в крови, оказался тем еще наркотиком, без которого окружающая действительность казалась пресной. А тут второй день подряд и новое знакомство, и волшебный дом, и найденный клад. Здорово же.

– У вас так сверкают глаза, словно вы в сказку попали, – Савелий снова засмеялся. – Как там у классиков, «бриллиантовый дым струился по зачумленной дворницкой»?

Что ж, у них действительно был общий культурный код. «Двенадцать стульев» оказались уже второй книгой, которую они оба читали и цитировали. Что ж, не самый плохой выбор.

– Я люблю приключения, – ответила Мила. – Особенно те, которые ничем мне не угрожают. С того момента, как в Малодвинске перестали обсуждать убийство Вики Угловской, здесь ничего значимого не происходило, а сейчас местным кумушкам опять будет о чем поговорить.

Приехала полиция. Милу внимательно выслушали, с сомнением оглядели чумазого Кактуса, ставшего виновником переполюха, залезли в развалины фундамента и извлекли наружу расколотый горшок, а также все, что удалось

собрать вокруг него. Монет оказалось много, целая гора.

– И что с этим делать? – спросил один из полицейских. – Если мы их пересчитывать начнем, то до вечера не управимся.

– По-правильному, надо бы опись составить, – нерешительно сказала Мила, – эти монеты могут иметь историческую ценность, ну или нумизматическую как минимум.

– Отдадим в музей, опись там составят, – решил старший в приехавшей группе. – А пока давайте сфотографируем это все и ссыплем в инкассаторский мешок да опечатаем. Мы, когда про монеты услышали, его с собой захватили.

Все собравшиеся сошлись во мнении, что так, пожалуй, будет правильно и быстрее всего. Только когда полицейские уехали, Мила обнаружила, что так и держит свои четыре монетки в зажатом кулаке.

– Ой, я не отдала их, – испуганно сказала она. – Получается, что я их украла?

– Да ладно вам, – в голосе Савелия зазвучало раздражение, – ну нельзя же быть настолько святой, Камилла. Там этих монет, может, тысяча, может, больше. Никто от четырех штук не обеднеет, я вас уверяю. Считайте, что это вам на память о сегодняшнем дне. Потом передадите по наследству, будете внукам рассказывать долгими зимними вечерами, как вас занесло в Малодвинск, где ваша собака нашла клад.

– А, кстати, как здесь, в Кузнечной слободе, могли оказаться зарытыми в землю польские монеты? – спросила Мила, успокоившись. В конце концов, полицейские сказали, что отправят клад в музей, значит, она вполне сможет туда сходить и отдать оставшиеся у нее. Не будет в этом ничего страшного или стыдного. – Я читала в книге Валиевского, что поляки, которые во время литовского разорения в начале семнадцатого века захватили все русские города севера и даже Москву, именно Малодвинск долго получить не могли. Только в 1609 году при великом государе Василии Шуйском поляки, литовцы и черкесы ненадолго взяли город в плен и взымали очень высокие подати, но монеты-то датированы девятнадцатым веком.

– Сюда в конце семидесятих годов девятнадцатого века ссылали большое количество народников, а среди них исторически было много поляков, – объяснил Гранатов. – В Малодвинске много польских фамилий, разве вы не замечали?

Мила задумалась. А ведь, пожалуй, он прав. Валевский, Угловская, да среди ее учеников есть Кедровский, Левандовская, Завадский. Слишком много для простого совпадения. Значит, клад не случаен, и монеты как раз того периода, о котором говорит Савелий Гранатов. Вот только откуда он так хорошо знает историю Малодвинска, если, по его словам, бывает здесь редко и наездами?

– Как все-таки много тайн спрятано даже в, казалось бы, таком спокойном и тихом месте, как Малодвинск, – сказала она, легонько вздохнув. – Мне казалось, что осенью мы с ними покончили, но нет, нашлась еще одна. Савелий, вы любите тайны?

– Терпеть не могу, – ответил тот мрачно. – Если вы не возражаете, то, может, мы уже отправимся в обратный путь? Все, что могли, мы уже тут сделали.

Миле стало стыдно, что она так вольно распоряжается чужим временем. Ее взяли в Кузнечную слободу, чтобы показать дом, а она нашла горшок с монетами, заставила вызвать полицию, продержала занятых людей на холоде битых два часа. Вот всегда с ней так.

– Да, конечно, – виновато сказала она. – Я понимаю, что нам нужно ехать. Вот только мне бы надо вымыть собаку, я не могу тащить в вашу машину килограмм земли. Боюсь, Кактус при поиске клада не был особо аккуратен. Олег Иванович, это возможно?

– Да, пожалуйста, – рассеянно сказал Васин. – На первом этаже есть гостевая ванная комната. Можете ею воспользоваться.

– Не дурите, – резко сказал Гранатов. – На улице холодно, ваш пес может простудиться, если вы потащите его домой после мытья. Конечно, в машине печка, но это все равно неразумно. Мне не впервой загонять машину на мойку, так что ничего страшного не случится. Вымоете свою собаку дома.

Почему-то Мила решила, что он говорит так, потому что ему уже некогда, и еще, что Гранатов сердит.

– Хорошо, – сказала она и полезла в дыру в заборе, отчаянно надеясь, что в этот раз не зацепится и на его глазах не порвет куртку, – спасибо вам.

Домой она, впрочем, вернулась в бодром расположении духа, потому что, высаживая ее из машины и прощаясь, архитектор попросил ее телефон, а взамен продиктовал свой. Значит, не сердится? Значит, хочет продолжать их общение или ему просто интересно, чем закончится история с кладом? Как бы то ни было, надо признать, что Савелий Гранатов успешно рассеивал поселившийся в душе Милы мрак.

Дома она вымыла Кактуса специальным собачьим шампунем, взбивавшемся во вполне себе душистую пену, завернула в большое полотенце, потому что в доме было немного прохладно. Печь протопить, что ли? Дом Андрея Погодина был оборудован центральным отоплением, но и печь в нем тоже имелась, старая, добротная русская печь, которую он летом побелил и, вызвав печника, прочистил и проверил. Прогривала она справно, не дымила, и зимой Мила раз в пару дней протапливала ее, не столько ради тепла, сколько из-за того, что ей нравилось слушать треск поленьев и смотреть на языки пламени.

Весной она топила реже, но сегодня батареи отчего-то были чуть теплыми, а потому в доме чувствовалась промозглость и стылость. Да, если протопить, станет гораздо лучше. Дрова для печи были сложены в поленнице во дворе. Их было немного, но, уезжая, Андрей Михайлович заверил Милу, что до лета ей хватит. Одеваться, чтобы выскочить за дровами, не хотелось. Мила сунула ноги в резиновые боты, специально купленные для подобных случаев, накинула на плечи шерстяной платок, принадлежавший бабушке Погодина и найденный в одном из сундуков, строго велела пригревшемуся в полотенце на пушистом коврике Кактусу ждать, повернула ключ в двери и выскочила на крыльцо.

Она не успела ни заметить опасности, ни понять, что именно случилось. Какая-то тень метнулась навстречу, ударив кулаком в лицо. От боли Мила упала на колени, заскулила, как собачонка, свернулась в комочек, чтобы избежать следующего удара. Но напавший на нее человек не собирался снова ее бить. Схватив Милу за волосы, он рванул дверь и потащил девушку внутрь.

На какое-то мгновение Миле показалось, что он сейчас вырвет ей все волосы с корнем и она останется лысой. Как ходить на уроки в таком виде? У нее текли слезы, застилая глаза, от чего все вокруг казалось смазанным, нечетким. Даже своего мучителя она видела сквозь пелену, не дающую разглядеть его как следует. Пожалуй, это был невысокий мужчина, хотя, может, и женщина. Свободный спортивный костюм и куртка-балахон сверху скрывали фигуру.

Черный капюшон и большие темные очки надежно прятали лицо, нижнюю часть которого скрывала медицинская маска. Рука, держащая ее за волосы, кажется, была в перчатке. Мила перебирала ногами, чтобы облегчить давление на свою несчастную голову. Впрочем, затащив ее в коридор и захлопнув дверь изнутри, злоумышленник отпустил ее волосы и несильно, скорее для острастки, пнул в бок.

– Отдай, что взяла, – прошипел непонятный голос, то ли мужской, то ли женский, словно ворона прокаркала. – Отдай, слышишь, сука?

Ответить Мила не успела, потому что из комнаты вылетел грозный, мокрый, остро пахнущий псиной снаряд и, не издав ни единого звука, вцепился злоумышленнику в ногу. Тот, заорав от неожиданности, завертелся юлой, пытаясь оторвать от себя собаку. За Кактуса Мила испугалась даже больше, чем за себя.

– Фу, фу, – закричала она и тоже вцепилась в пса, боясь, что нападавший его задушит или поранит. Она читала, что у ягдтерьеров повышенный болевой порог и отчаянная смелость, переходящая в безрассудство. Конечно, это была охотничья порода, а не собака-охранник, но защищать свою семью эти бесстрашные собаки умели.

Вот и сейчас ее пес даже не рычал, но и не разжимал зубов. Нападавший метнулся к двери, чтобы сбежать, распахнул ее, выскочил на крыльцо, увлекая за собой вцепившуюся в него собаку, а следом не разжимающую рук Милу. Что ж у нее сегодня за карма такая, ехать по полу на пятой точке? Правда, Кактус оказался не дурак. В тот момент, когда неизвестный оказался на крыльце, Кактус выпустил его ногу и оглушительно гавкнул басом, явно нагоняя жути. Мила ловко вскочила на ноги и захлопнула дверь, быстро повернув ключ в замке. Кто бы ни был незваный гость, теперь он находился снаружи, а они с целым и невредимым Кактусом внутри.

На всякий случай она быстро ощупала собаку, проверяя, цела ли. Кактус тяжело дышал, бока ходили ходуном, но никакого видимого ущерба Мила не обнаружила. У нее самой надсадно болела кожа головы, а еще нога, которой она ударилась о металлический порог входной двери. Господи боже ты мой, и что это было?

В воздухе коридора висел какой-то странный, едва слышный, но точно неуместный в это время года аромат, который Мила от растерянности и шока никак не могла идентифицировать. От боли и страха она, сидя на полу, свернулась в клубочек, прижала к себе собаку и заплакала, не понимая, что делать дальше. Кто был этот человек? Что он хотел? Он сказал, чтобы она вернула то, что взяла. О чем он говорил? О монетах, которые она не отдала полицейским? Наверное, да, потому что больше она совершенно точно ничего не брала.

Но кто, кроме Васина и Гранатова, знал о том, что четыре польских монеты остались у нее в кармане пуховика? Кто-то незамеченным наблюдал за ними, пока они обсуждали находку, вызывали полицию, а потом давали необходимые объяснения? Но почему тогда этот человек не напал на нее сразу, прямо там, у дома, пока Мила еще была одна? Как он узнал, где она живет? И что делать, если он вернется?

В том, что это произойдет, Мила даже не сомневалась. Конечно, сейчас злоумышленник позорно сбежал, испугавшись героя Кактуса. Но желаемого же он не достиг, а значит, обязательно придет снова, запасшись чем-то, что поможет ему обезвредить собаку. А она не сможет сопротивляться и защитить ни Кактуса, ни себя.

От этих мыслей Миле стало так страшно, что она снова тихонечко заскулила. Как же поступить? Позвонить в полицию? Так они только посмеются над ее сбивчивым рассказом. Посоветоваться с мамой и Андреем Погодиным? Так мама только напугается за дочь, больше ничего. И Погодин, несмотря на все свои навыки бывшего разведчика, никак не сможет ей помочь из далекой Москвы. Нет, маму тревожить нельзя. Она заслужила ту безмятежность, в которой сейчас пребывает.

Позвонить кому-то из коллег? И что они смогут сделать? Кроме того, необходимо признать, что за девять месяцев работы молодая, красивая и модно одетая Мила с иностранной фамилией и столичными замашками так и не стала в школе своей.

С ней работали, разговаривали, обсуждали какие-то новости, но по большому счету, просто терпели.

Неожиданно возникшее решение было странным, но обдумывать его уместность Мила не стала. Вытерев ладонями мокрое от слез лицо, она встала на колени, неловко опираясь на пол руками, поднялась, замерла, проверяя, удержит ли равновесие. Пожалуй, ничего не болело и голова не кружилась. Отчего-то Мила не чувствовала своего носа, как будто он был заложен от насморка, но думать про это не хотелось.

Не спеша она дошла до комнаты, где на столе остался лежать телефон. Впрочем, припадении он все равно оказался бы бесполезным. Она даже сообразить ничего не успела, не то чтобы позвонить. Когда они с Савелием Гранатовым расставались, она продиктовала ему свой номер, и он, записав его, тут же ей позвонил. Его звонок она скинула, решив, что занесет его в телефонную книжку позже, но так этого и не сделала, сначала отвлекшись на мытье собаки, потом на печь.

Он так и был последним в списке звонков, и Мила, теряя решимость (с чего бы ей обременять своими проблемами постороннего человека), нажала на вызов. Из-за этого простого действия силы покинули ее, и она снова опустилась на пол, и верный Кактус тут же пристроился рядом, жалея ее.

– Да, Камилла, – услышала она чей-то голос и даже подпрыгнула от неожиданности, потому что, оказывается, успела забыть о том, что кому-то позвонила. – Камилла, алло, я вас слушаю.

– Это я, – сказала она, потому что молчать становилось неприличным. – Мила Эрнандес. Савелий, вы, пожалуйста, зовите меня Милой, хорошо? Меня все так зовут.

– Вы звоните специально для того, чтобы мне об этом сообщить? – довольно язвительно сказал голос. – Хорошо, я приму к сведению.

Господи, она не вовремя. Зачем она вообще ему позвонила? Он еще решит, что она навязывается, и это будет совсем стыдно. От бушующего в крови адреналина тяжело и надсадно заболела голова. От головной боли Милу всегда тошнило, вот и сейчас дурнота подкатила к горлу, она подышала открытым

ртом, чтобы загнать внутрь поднимающуюся оттуда мутную волну.

- Мила, что вы молчите? С вами все хорошо? - теперь голос в трубке, который она так и не отключила, звучал встревоженно. - Мила! Что-то случилось?

- Случилось, - пискнула она и, не выдержав, снова заплакала. Болела голова, болела кожа под волосами, болела ушибленная нога и онемевший нос странно мешал, словно сквозь него с трудом проходил воздух. - На меня напали. И я теперь не знаю, что мне делать.

- Что значит «напали»? - не понял Савелий - Камилла, то есть Мила, вы где?

- Я дома.

- К вам кто-то ворвался в дом?

- Да, то есть нет. Сначала я вышла на крыльцо, хотела принести дров, а он подждал меня там, уже потом ворвался внутрь и оттаскал меня за волосы. Только Кактус его прогнал.

- Мила, вы сейчас в безопасности?

- Да. Нет. Я не знаю.

- Так, я сейчас приеду, - решительно заявил ее новый знакомый. - Вы дверь после его ухода заперли?

- Да.

- Никому не открывайте, слышите, Мила? Я приеду и позвоню, и только после этого вы отпрате дверь. Хорошо?

- Да.

- Все целы? Вы? Кактус?

– Мы целы.

– Ждите. Сейчас буду.

Он отключился, а она по-прежнему сидела на полу, не в силах встать. Какая-то странная апатия завладела Милой, и она неспешно думала, что это, наверное, последствия шока или чего-то подобного, что положено испытывать, когда на тебя нападают на собственном крыльце и за волосы тащат в дом, чтобы там пнуть в бок.

От этого воспоминания слегка заныло слева, под ребрами, и Мила ощупала себя, как до этого ощупывала Кактуса. Нет, ничего не сломано, потому что тогда болело бы иначе. И все-таки, что этот человек в черном от нее хотел?

Где-то вдалеке дурниной завывала сирена, от звука которой у Милы с детства замирало сердце. Сирена всегда предвещала беду. Впрочем, сейчас ее острый привкус ощущался даже у воздуха в своем доме. Беда прошла, притаившись неподалеку. Она была своя, и пусть это эгоистично, но до чужой беды Миле сейчас не было никакого дела.

Савелий Гранатов приехал минут через десять. С учетом малодвинских расстояний в этом не было ничего необычного, но все-таки Миле было приятно думать, что он сразу поспешил к ней на помощь. Сначала она услышала, как под окнами остановилась машина, и, заставив себя встать с пола, подошла к окну, осторожно выглянула наружу, прячась под прикрытием шторы, увидела ярко-красную «Альфу Ромео» и выдохнула от облегчения.

Кстати, а злоумышленник был на машине или пешком? Мила напрягла память, пытаюсь вспомнить, слышала ли она автомобильный шум после того, как нападавший сбежал, но из коридора без окон, к тому же заканчивающегося дверью, выходящей во двор, не было слышно звуков с улицы. А если и были, то Миле в тот момент было точно не до того.

Телефон зазвонил. То был Савелий, ставящий ее в известность, что уже стоит на крыльце.

– Открывайте, не бойтесь, – то ли попросил, то ли приказал он, и Мила метнулась к двери, вдруг испугавшись, что, стоя на пороге, архитектор служит прекрасной

мишенью. Для чего? Для кого?

Она отперла замок, на мгновение замерла, словно вместе с ним в дом мог снова ворваться тот, другой человек, так напугавший ее, и распахнула дверь, невольно щурясь от яркого дневного света. В ногах гулко залаял Кактус, видимо, теперь тоже относящийся ко всем визитерам с опаской.

- Свои, Кактус, - сообщил ему тут же разгадавший охранный манер архитектор, поднял глаза с собаки на Милу и охнул. - Вам же к врачу надо.

- Зачем? - не поняла Мила. - У меня ребра целы. Да и скальп с меня не сняли, хотя в какой-то момент я испугалась, что так и будет.

- Ребра? Вы про это ничего не говорили. Он вас что, бил?

- Пнул один раз, но не сильно.

- А то, что у вас, похоже, нос сломан, вас не пугает?

Нос? При чем тут нос? Мила шагнула к зеркалу, которое висело над стоящим в коридоре комодом, дернула за шнурок бра, свет которого осветил ее бледное, оказывается, зареванное лицо с распухшим носом и малиновым пятном, растекающимся под глазом и заливавшим левую щеку. Откуда-то пришло понимание, что завтра пятно превратится в синяк, сначала фиолетовый, а потом желтый. Ужас! Как она в школу пойдет? По крайней мере, вот почему нос онемел. Интересно, он и вправду сломан?

Савелий Гранатов перешагнул порог, запер за собой дверь, подошел к Миле, развернул ее за плечи и требовательными пальцами взялся за подбородок. Она пискнула, пытаясь освободиться.

- Стойте, не шевелитесь, - приказал он. - Надо посмотреть.

Аккуратно, очень бережно он осмотрел ее лицо. Замершая Мила даже дышать перестала. Как ни странно, было не больно, наоборот, холодные пальцы словно дарили облегчение.

– Перелома нет, – вынес свой вердикт Савелий и убрал руки от ее лица, Мила даже расстроилась немного. – Но врачу все-таки лучше показать. Давайте я вас в больницу отвезу.

– Не поеду я в больницу, – сердито сказала Мила, – как вы себе это представляете? Я же учительница. Я не могу приехать к врачу и рассказывать, что меня по лицу ударили. Никто же не поверит, что это был совершенно незнакомый человек, ворвавшийся ко мне в дом.

– А это действительно был незнакомый человек?

От обиды у Милы снова выступили слезы. Он что, считает, что ее избил любовник?

– Я не знаю, что вы себе придумали. – Ее голос задрожал. – Но я говорю правду. Я вышла на крыльцо, потому что решила затопить печь. Какой-то человек ударил меня в лицо, схватил меня за волосы, повалил на пол, втащил в коридор и пнул. Не могу ручаться, что никогда до этого его не видела, потому что не успела хорошо рассмотреть. Он был в черном спортивном костюме и черной куртке, на голове капюшон, темные очки и маска. Медицинская. На руках перчатки.

– Я ничего не придумывал. Я просто спросил, не узнали ли вы этого человека. Может, в нем было что-то смутно знакомое, но если очки и перчатки – это все, что вы заметили...

– Простите, трудно проявлять наблюдательность, когда тебя бьют по лицу, – язвительно сказала она.

– Да, это я как-то не учел, – он вдруг засмеялся, но необидно, по-доброму, – не учел, что вы явно не привыкли к тому, чтобы вас били. Когда это входит в привычку, то начинаешь замечать все мелочи, вплоть до линий на летящем в тебя кулаке.

– Вы так говорите, как будто вас постоянно бьют.

Он вздрогнул, словно это предположение попало в цель.

- Ладно, если вы не хотите в больницу, то будем решать проблему домашним способом. Что же вы не догадались холод сразу приложить?

- Не догадалась, - пробурчала Мила.

- Ладно, показывайте, есть у вас в холодильнике кусок замороженной курицы?

- Нет, - Мила покачала головой, - я не храню запас продуктов. Покупаю по чуть-чуть и сразу готовлю. Я же одна живу.

- А сосиски есть?

- Сосиски, кажется, есть, - призналась Мила. - Я их обычно на завтрак варю, если яичницу не жарю. А сосиски вам зачем?

- Вам, не мне. Очень удобно прикладывать к переносице, чтобы избежать синяка. Нос у вас ничего, крепкий, даже кровь не пошла. Но синяк завтра вылезет, конечно. Я чуть позже съезжу в аптеку, привезу мазь, которая нужна, но, боюсь, вопросов от учеников и любопытных коллег вам завтра не избежать.

- Скажу, что ударилась о дверь, - беспечно махнула рукой Мила. - И надену темные очки. Что ж теперь делать, если это случилось. Это в больнице смогут отличить последствия столкновения с дверью от удара кулаком, а в школе придется поверить мне на слово.

Гранатов смотрел на нее с любопытством, внимательно-внимательно.

- Что? - не выдержав, спросила она.

- Мила, а почему вам даже в голову не приходит сообщить о случившемся в полицию?

- Что? Зачем?

- На вас напали на пороге вашего дома. Этот человек избил вас, ворвался в квартиру, угрожал. Вы понятия не имеете, кто это был и что ему надо. Где гарантия, что этот человек не вернется? Мне кажется, что было бы разумным

сообщить в полицию, чтобы они хотя бы попытались его найти и во всем разобраться.

Мила смотрела на него, как на неразумного ребенка.

– Да не будут они ни с чем разбираться, – воскликнула она. – Вы что, не знаете принципа работы полиции? Когда убьют – тогда приходите. А меня не убили. И мне придется до бесконечности доказывать, что я понятия не имею, кто это может быть. И мою жизнь начнут изучать под микроскопом, ходить по моему дому, задавать кучу вопросов и все равно никого не найдут, а я стану центром всеобщего внимания и насмешек. Это же провинция, в которой так редко что-то происходит, что любое событие приобретает вселенский масштаб. Нет уж, спасибо. Не хочу.

– Может, вы и правы. Но все равно нужно что-то делать. Вы живете одна, вас будет некому защитить, если он придет снова.

– Меня Кактус защитит, – не очень уверенно ответила Мила, наклоняясь, чтобы погладить собаку, которая, услышав свое имя, завиляла хвостом. – Меня гораздо больше пугает путь до работы и с работы. Конечно, в центре города мне вряд ли будет что-то угрожать, но наша улица часто бывает пустынной. Особенно вечерами.

– Это как раз не проблема. Я буду вас возить, – махнул рукой Савелий.

В руке он держал сосиску, которую вытащил, похозяйничав у Милы в холодильнике. Она, увлекшись разговором, сама так с места и не сдвинулась, только, услышав, что архитектор собирается стать ее личным шофером, чуть не упала от изумления.

– Да не надо меня возить, – пробормотала она. – Первый урок начинается в восемь утра. А светает сейчас уже раньше, так что ничего страшного, доберусь.

– Это даже не обсуждается, – сообщил он категоричным тоном и, закрыв холодильник, подошел к Миле, чтобы приложить ледяную сосиску к переносице. От холода, обжегшего кожу, она взвизгнула, попыталась отшатнуться, но он не дал. – Держите, давайте. Поздновато, конечно, но лучше поздно, чем никогда. Держите, держите. Что ж вы за поперечница такая?

Поперечницей Милу называла бабушка. От этого домашнего слова веяло теплом и безопасностью. Савелий Гранатов оказался вторым в ее жизни человеком, который знал это слово. Она взялась за сосиску, и он опустил руку, довольно кивнув, что Мила послушалась.

- Что сказал этот человек? Или он просто молча вас бил?

- Нет, он сказал, чтобы я вернула то, что взяла. И еще назвал меня сукой.

- И что именно вы взяли? И где?

- Наверное, он имел в виду те четыре монеты, которые я нашла первыми и забыла у себя в кармане, - пожала плечами Мила.

Холод от сосиски расходился волнами, даря лицу облегчение. Даже кончик носа теперь не был онемевшим, да и воздух проходил уже без особого труда. Это хорошо, значит, опухоль спадает.

- Чушь! Про эти монеты знали только вы, я и Васин. Даже полиции мы про них не рассказали, по крайней мере, о том, что они остались в вашем кармане, полицейские даже не догадываются. Не думаете же вы, что Олег Иванович, добравшись до дома, первым делом отправил к вам какого-то громилу?

Мила молчала.

- По крайней мере, я этого точно не делал, - добавил Савелий. - Даже не думайте. У нас обоих была возможность забрать у вас эти монеты, будь они нам зачем-то нужны, прямо там, у заброшенного дома. Так что нет, у вас явно пытались забрать что-то другое. Что?

В его словах, надо признать, была логика, вот только ничего другого Мила ни у кого не брала.

- Я не знаю, - жалобно сказала она. - Просто понятия не имею.

– Ладно, – смягчился он, глядя в ее несчастное лицо. – Выяснится рано или поздно.

– Вы думаете?

– Уверен. Все тайное всегда становится явным. Ладно, выглядите вы уже лучше, поэтому я, пожалуй, вас оставлю.

Видимо, в глазах Милы мелькнуло что-то неосознанное даже ею самой, потому что он поспешно добавил:

– На время. Мне нужно уладить кое-какие дела, но потом я вернусь, чтобы убедиться, что у вас все в порядке. Пожалуйста, запирайте за мной дверь, никуда не выходите и никому не отпирайте. Во сколько вы гуляете с собакой?

– Что? В шесть.

– Значит, к шести я и приеду. Заодно привезу продуктов. Сбросьте мне список, что купить. Дверь никому не открывайте. Если что, сразу звоните. Это понятно?

– Понятно, – пискнула Мила.

– Ну и хорошо.

Прозвучали тяжелые, очень мужские шаги, хлопнула входная дверь, в которой Мила быстро повернула ключ, проскрипели ступеньки деревянного крыльца, зашуршал гравий дорожки, затем послышался шум отъезжающей машины. Значит, преступник все-таки приходил пешком.

Сосиска в руке растаяла, и Мила засунула ее обратно в морозилку. Не выбрасывать же. Критически осмотрев свое отражение в зеркале, она пришла к выводу, что катастрофа не так уж и глобальна. Отек почти спал, наливающийся краснотой синяк под глазом, конечно, будет заметен, но его размер теперь небольшой, не во всю щеку. Так что темные очки завтра действительно спасут от позора, хотя и не от излишнего любопытства.

Чтобы отвлечься от хаотичных мыслей, а главное – от поминутного бросания взгляда на часы (даже самой себе Мила не хотела признаваться, что ждет шести вечера), она принялась за уборку, стирку и прочие домашние хлопоты, которые выпадали на воскресенье. По-хорошему, к шести часам нужно еще приготовить ужин, но продуктов в холодильнике не имелось, потому что запасов Мила действительно не держала, а в магазин сходить не успела.

Ей даже в голову не приходило нарушить запрет и выйти из дома, чтобы добежать до супермаркета в двух кварталах. И дело было не в том, что она боялась. В любых обстоятельствах Камилла Эрнандес держала данное слово, а она обещала Савелию Гранатову, что не будет высовываться.

Конечно, он пообещал, что привезет продукты, но отправить перечень покупок Мила все-таки постеснялась. Не те у них отношения, чтобы раздавать задания. Если и вправду они вместе поведут Кактуса на прогулку, то вполне можно будет добежать до магазина и купить все необходимое, чтобы приготовить ужин на скорую руку. Этот навык – готовить быстро и вкусно – Мила приобрела у мамы. Та вообще легко могла сварить кашу из топора, все у нее в руках спорилось, и даже пирог она могла испечь за полчаса. Успехи Милы были, конечно, скромнее, но готовила она неплохо.

На часах было пятнадцать минут шестого, когда раздался звонок в дверь. Мила напряглась. Подскочив к окну, она выглянула из-за шторы, но красной «Альфа Ромео» не увидела. Так, и кто это может быть? Кактус, выскочивший в прихожую, поскуливал у двери, вертелся, но не лаял. И что это значит?

– Кто там? – спросила Мила тоненьким от напряжения голосом и с горечью подумала, что задает этот вопрос впервые с того дня, как очутилась в Малодвинске. Здесь и двери-то не всегда запирали.

– Милушка, девочка, так я ж это, – искренне удивился голос за дверью. Услышав его, Кактус забил хвостом с удвоенной силой. – Тетя Стеша. Ты что, заболела или напугалась?

Тетя Стеша была доброй соседкой, взявшей над Милой шефство в первые же дни после приезда. Одинокая пожилая женщина отчаянно нуждалась в том, чтобы заботиться о ком-либо. Объектом этой заботы стали и Мила с мамой, и Андрей Погодин, но после отъезда мамы с мужем весь шквал внимания обрушился на

одну только Милу, «бедную девочку», оставшуюся одна-одинешенька в чужом городе.

Доброта тети Стеши имела вполне себе материальный результат, выражающийся в пирогах с мясом и яблоками, калитках с творогом, шанежках с капустой, пышных оладьях и тончайших блинах, а также в соленых и сушеных грибах, консервированных крепеньких огурцах, компотах и варенье, которые у Милы практически не переводились. И вот сейчас тетя Стеша стояла на пороге. Конечно, Савелий велел никому не отпирать, но вряд ли этот запрет распространялся на тетю Стешу. Мила повернула ключ в замке.

– Милушка, ты часом не плакала ли? – озабоченно спросила старушка. – Ох, ведь лихое действо какое. И где? В Малодвинске. Ужас. Вот как есть ужас.

Признаться, Мила не поняла, какое такое лихое действо тетя Стеша имеет в виду. Она что, знает о том, что на Милу напали? Но откуда? Или информация про то, что она нашла клад, уже просочилась?

– Вы проходите, пожалуйста, – сказала она, немного нервничая от того, что дверь на улицу открыта. – Вы о чем говорите-то, тетя Стеша?

– Так как о чем? Об убийстве, конечно. – Соседка всплеснула бы руками, но ей помешал завернутый в полотенце сверток. – Вот, держи, я пирожков напекла. С луком и яйцом. Горячие еще. Как узнала, что случилось, так сразу тесто и поставила. Ничто так не отвлекает, как что-то сделать своими руками. Почему бы и не пироги.

Мила машинально приняла сверток, в котором ощущалась тарелка с лежащими на ней крохотными, на один укус пирожками. Действительно горячие. Заперев наконец дверь, она пошла в сторону кухни, пригласив старушку следовать за ней. В ответ на приношение тетю Стешу следовало напоить чаем. Так уж у них повелось.

– Кого убили-то, тетя Стеша? – рассеянно спросила она, будучи уверенной, что речь идет о чьем-нибудь коте.

– А ты что же, ничего не слышала?

– Нет. Я с утра в Кузнечную слободу ездила, на новый дом Олега Ивановича Васина смотреть, а потом больше и не выходила никуда.

Мила тут же прикусила язык, потому что не знала, насколько информация о строительстве дома Васиным является конфиденциальной. Впрочем, старушка не обратила на это ни малейшего внимания.

– Так в Кузнечной слободе все и случилось, – теперь всплескивать руками ей ничего не мешало. – Там же труп нашли. А ты там была и не знаешь?

Труп? Какой еще труп? Горшок с монетами там нашли или это народная молва уже так все исказила?

– Вы бы рассказали по порядку, тетя Стеша, – попросила Мила, понимая, что, кажется, все гораздо серьезнее кота.

Рассказ соседки она слушала с изумлением и все возрастающей тревогой. Действительно, в лесочке на окраине слободы, похоже, том самом, в котором она вчера, пусть и недолго, бродила с Кактусом, сегодня, пару часов назад, нашли труп местного предпринимателя Сергея Троекурова, владевшего небольшим шиномонтажом и магазинчиком автозапчастей.

Тело нашел директор фанерного завода Андрей Васильев, присматривающий участок под строительство в Кузнечной слободе. Зачем ему понадобилось по нарастающему снегу отправиться в лес, было совершенно непонятно, но, как бы то ни было, на одной из лужаек он и нашел не подающего признаков жизни Троекурова. И позвонил в полицию. Мила вспомнила разрывающую сонную тишину Малодвинска сирену, которую услышала пару часов назад. Так вот что это было.

Неполный год минул с того дня, как городок был потрясен жестоким убийством Вики Угловской, и нате вам, новое преступление.

– А как именно его убили? Этого Троекурова, – спросила Мила. – Тоже задушили? Как Вику.

– Его зарезали, – страшным шепотом сообщила тетя Стеша и даже глаза округлила от ужаса. – Ножиком в живот пырнули, вот как.

– Интересно, кому он помешал? Или это бытовая ссора?

– То мне неведомо. – Тетя Стеша пожевала тонкие губы. – Ну, да полиция разберется. А мне так его и не жалко вовсе, Серегу-то. Плохой был человек. Гнилой. До тридцати пяти лет дожил, но не созрел, а сгнил.

Разбираться, что именно не так с «Серегой», Миле не хотелось совершенно. Какая разница, если речь идет о совершенно незнакомом человеке, чья смерть к ней точно не имела ни малейшего отношения. А то, что убийство произошло именно в Кузнечной слободе, куда Милу занесло по воле судьбы, так это совпадение, не больше.

Напившись чаю и наохавшись по поводу наливавшегосся под глазом у Милы синяка (версию о том, что девушка натолкнулась на дверь, старушка восприняла, не заметив никакого подвоха), тетя Стеша отбыла восвояси, заставив Милу выдохнуть. Часы показывали уже без пяти шесть, и, если бы Савелия, который должен был появиться с минуты на минуту, застучала бдительная соседка, без будущих расспросов и прочего любопытства бы не обошлось. Не то чтобы Мила скрывалась от соседки, но привлекать внимание раньше времени не хотела. Городок маленький, судачить начнут быстро, а пока вроде и не о чем.

Машина Гранатова остановилась под окнами без одной минуты шесть, а точно в назначенное время раздался звонок в дверь. По этому человеку часы можно проверять. Такая пунктуальность Миле нравилась, потому что она и сама была человеком обязательным и никогда не опаздывала.

– Вы как? В порядке? – спросил у нее Савелий, как только Мила открыла дверь, и внимательно осмотрел ее лицо, то ли на расцветающий синяк любовался, то ли следы слез искал. Увиденным он, видимо, остался доволен, потому что коротко кивнул, зашел внутрь, протянул ей два тяжелых пакета.

– Я в порядке, – ответила Мила, принимая пакеты и глядя, как он быстро запирает дверь.

– Вы не написали, что купить, поэтому я выбрал на свой страх и риск, – сказал гость. – Давайте я пока погуляю с Кактусом, а вы приготовите ужин. Если честно, ужасно есть хочется, я не успел пообедать, дел было много. Хорошо?

Мила на мгновение заколебалась, не зная, можно ли отпустить с ним собаку. В конце концов, можно погулять вместе, а уже потом встать к плите. Но он сказал, что голоден, и продуктов принес. Нет, неудобно заставлять человека ждать.

– Хорошо, – ответила Мила, – только вы, пожалуйста, собаку с поводка не спускайте, чтобы он не убежал. Кактус вас не знает, вдруг не послушается.

– Не бойтесь, я обещаю вам вернуть вашего пса в целости и сохранности, – заверил гость.

Разбирая пакеты, пришлось признать, что толк в еде он знал. Внутри Мила обнаружила два огромных стейка из мраморной телятины, которые, недолго думая, посолила, поперчила и бросила на сковороду-гриль, имевшуюся в хозяйстве Андрея Погодина. Муж ее матери тоже знал толк в еде.

К мясу прилагались маленькие пупырчатые, совсем не зимние огурцы, выращенные в тепличном хозяйстве одного из городских «отцов» Александра Соболева, крепенькие помидоры черри, пахнущие летом и солнцем, словно росли они не в снежном Малодвинске, а где-то под небом Тосканы, ржаной хлеб, еще горячий, который полагалось есть, намазав свежим сливочным маслом. Еще в пакете оказались красные сладкие перцы, один баклажан и один кабачок, луковица и морковь. Их Мила крупно порезала и, сбрызнув маслом, поставила запекать в духовку. К обещавшему быть вкусным ужину в пакете прилагалась еще бутылка красного сухого вина. Классика жанра, что тут еще скажешь.

К тому моменту, как Савелий и Кактус вернулись с прогулки, Мила уже накрыла стол, постелив красивую кружевную салфетку, принадлежавшую погодинской бабушке. Столовые приборы тоже были старинные, тяжелые, серебряные, и бокалы из граненого хрусталя, отражавшие свет люстры, оказались очень в тему. Гость даже вздохнул глубоко и восхищенно, как только увидел все это великолепие.

– Люблю, когда люди знают толк в бытовой красоте, – сказал он. – К сожалению, это крайне редко встречается. Большинство людей лишены вкуса, они часто

ведутся на кич, на дешевую эклектику, не понимая, что любой образ, любое явление должны быть законченными, а от того точными.

– Вы так говорите, потому что вы архитектор, – засмеялась Мила, глядя, как он разливает кроваво-красное вино по бокалам. Мясо она приготовила прожарки медиум, поэтому от него по тарелке тоже подтекала красная дорожка, блестели глянцевым боком крошечные помидоры, и, надо признать, картина действительно выглядела законченной, совершенной.

– Ну да, я – архитектор, но вы-то нет. – Савелий отставил бутылку, взял в руку бокал, протянул Миле, чтобы чокнуться. – Между тем вы абсолютно идеально накрыли стол. Здесь нет ни одного лишнего цветового пятна, ни одной ненужной детали, а это значит, что чувство прекрасного живет внутри вас. И вам даже не нужно прилагать излишние усилия, чтобы создать красоту. Вот эту легкость, когда красота возникает без натужности, я и ценю в людях больше всего. Давайте за нее и выпьем.

Красота без натужности. Пожалуй, Мила понимала, о чем он говорит. Ее мама превращала в красоту все, за что бралась. У нее получались совершенные пироги, из-под ее пальцев выходили ровные, легкие, законченные строки переведенного текста, позволявшие Ксении Королевой считаться одним из лучших в стране литературных переводчиков. В любой квартире или гостиничном номере, в котором она оказывалась, мама обживалась в течение пятнадцати минут, создавая не иллюзию, а непосредственно домашний уют. И в отношениях, которые она строила с другими людьми, тоже не было ни капли натужности, а вот легкость, теплота, доверие и любовь возникали всегда. Да, Мила понимала, о чем говорит ее гость.

– Пока меня не было, ничего больше не случилось? – спросил между тем он.

– Со мной нет, – покачала головой Мила, сделала глоток, отставила бокал. Вино оказалось прекрасное. В меру терпкое. – А в Малодвинске – да.

– А что не так с Малодвинском? – Гранатов удивился так искренне, что даже перестал резать мясо, за которое с энтузиазмом принялся.

– Так человека же убили, вы разве не слышали? – сказала Мила. – По словам моей соседки, про это весь город только и говорит.

– Я не общаюсь со всем городом. Я был занят своими проектами и переговорами с заказчиками по телефону. То, что я сижу в этой глуши, не означает, что вся остальная жизнь остановилась. А когда освободился, то отправился к вам. Правда, по дороге заехал в супермаркет, где мне показалось, что все необычайно возбуждены. Обычно-то местные жители настолько спокойны, что кажутся сонными, а сегодня весь магазин гудел, как встревоженный улей, но я, признаться, не придал этому значения. Так что случилось?

– В леске неподалеку от дома Олега Ивановича нашли труп зарезанного местного предпринимателя.

Ее гость смотрел непонимающе.

– Рядом с домом Олега Ивановича нет никакого леска.

Видимо, он имел в виду дом, в котором Олег Васин жил сейчас.

– Рядом с новым домом, тем самым, что вы строите в Кузнечной слободе, – пояснила она. – Так странно, мы только вчера с Кактусом туда ходили. Он там даже испугнул кого-то, я решила, что зверя. Ой!

– Что ой?

– А вдруг это был убийца? – жалобно проговорила Мила.

– Не придумывайте, – Савелий ответил чуть сердито. Он всегда начинал так разговаривать, когда ему что-то не нравилось. Мила поначалу из-за этого пугалась, а потом перестала. Понимая, что он сердится не на нее, а на что-то свое. – Вы же не знаете, когда именно было совершено убийство. Может, труп в лесу неделю пролежал, а может, его сегодня утром зарезали, пока мы с вами клады выкапывали. С чего вы взяли, что это произошло вчера? И вообще, кого убили-то?

Он взял свой бокал и сделал большой глоток, покатав вино на языке, словно раскладывая его букет на вкус.

– Какого-то Сергея Троекурова. – Мила взяла бокал за хрустальную ножку и тоже пригубила вино. – Я его не знаю, тетя Стеша сказала, что он владелец шиномонтажа и магазина автозапчастей.

Красное на белом – это красиво. Как замороженная Мила смотрела, как кроваво-красная струйка пролитого вина юркой змейкой ползла по кипенно-белой, жесткой от крахмала кружевной салфетке. Два красных пятна алели на белых-белых, словно вылепленных из алебаstra щеках ее гостя. Спустя мгновение смысл этой струйки и этих пятен на застывшем лице, которое как будто стремительно покинула жизнь, сформировался окончательно и бесповоротно. Мила поняла, что ее гость смертельно напуган.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Подробнее в романе Л. Мартовой «Рассвет наступит незаметно». – Прим. ред.

Купить: https://tellnovel.com/martova_lyudmila/sled-na-vesennem-snegu

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)